

Санкт-Петербургский
государственный университет

1–2 марта 2001 г.

От редактора

Четвёртая конференция цикла „Балтистика в Петербурге“ посвящена синтаксической проблематике. Приятно отметить, что несмотря на значительно меньшее (по сравнению с прошлым годом) количество участников, круг обсуждаемых в докладах предметов чрезвычайно широк: представлены как общетеоретические вопросы синтаксиса, рассматриваемые на балтийском материале, так и детальные исследования отдельных синтаксических и смежных с синтаксисом явлений; разработка проблем ведётся как в синхронном, так и в историческом плане; особое место занимают ареальные и типологические исследования, выявляющие специфику балтийских языков; обращено внимание также на дидактический аспект в синтаксисе.

Традиционные весенние конференции по балтистике являются как бы вехами на пути её возрождения в Петербурге, дающими повод к периодическому осмыслению проделанной работы. Главным нашим детищем является специализация по балтистике для студентов старших курсов. На втором курсе в настоящее время занимаются около десяти человек, столько же учатся на первом. Студенты принимают активное участие в проведении нынешней конференции, а на ежегодной апрельской студенческой конференции в этом году впервые организуется секция балтистики. На кафедре общего языкознания постепенно формируется балтийская библиотека — во многом благодаря пожертвованиям наших коллег в Университете (кафедра славянской филологии, кафедра русского языка) и друзей в городе (ценнейшие книги из библиотеки С.И.Груздевой были переданы кафедре её дочерью М.А.Шеляховской, словари и художественную литературу подарил большой друг Литвы и литовского языка И.О.Сигов). Многими книгами и журналами мы обязаны Вильнюсскому и Латвийскому университетам.

Прошедший год ознаменовался чрезвычайно важным для отечественной балтистики событием: при активной поддержке Посольства Литовской Республики в Москве было создано и начало работу Российское общество балтистов. В декабре 2000 года прошла первая международная конференция Общества, объединившая учёных различных направлений — лингвистов, историков, этнографов, археологов. В перспективе предполагается открытие специализации по балтистике в Московском университете.

Балтийские исследования в России с уверенностью смотрят в будущее.

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. Фонетика и акцентология
- 2000 г. Морфология и словообразование
- 2001 г. *Синтаксис*
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. Этимология и ономастика
- 2004 г. Историческая грамматика, история литературного языка
- 2005 г. Диалектология
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Секретарь организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: baltistica@ik6795.spb.edu

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
тел. (7 812) 328 95 10
факс (7 812) 328 97 65

St.Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St.Petersburg, Russia
phone (7 812) 328 95 10
fax (7 812) 328 97 65

Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург), Аксель Хольфут (Вильнюс)

Синтаксические свойства латышского дебитива: состояние разработки вопроса и задачи дальнейших исследований

Многие вопросы, связанные с грамматической интерпретацией латышского дебитива, не дождались до сих пор удовлетворительного решения. Имеются в виду вопросы как парадигматического, так и синтагматического порядка. К первым относится проблема определения места дебитива в системе глагольных форм латышского языка: принятая в традиционной латышской грамматике трактовка дебитива как одного из наклонений латышского глагола явно неудовлетворительна, но насчёт того, чем её сменить, мнения лингвистов расходятся (ср. [Marvans, 1967; Michelini, 1987; Holvoet, 1997; Andronov 1997; Nau 1998, 39]). Ко вторым относится вопрос об интерпретации синтаксических отношений в предложениях, содержащих формы дебитива. Именно изучению этих синтаксических отношений и посвящён настоящий доклад.

Хотя значение дебитива принадлежит к сфере модальности (он, подобно модальным глаголам, выражает модальный предикат), его употребление, по сравнению с основной недебитивной конструкцией, связано с перераспределением падежных форм. Это ещё не достаточный повод, чтобы считать его особым залогом латышского глагола (чему препятствует отсутствие каких бы то ни было функциональных признаков, связанных с категорией залога, и наличие добавочных признаков, чуждых этой категории), но всё же возникает необходимость по-новому (по сравнению с основной недебитивной конструкцией) определить функции подлежащего и дополнения в дебитивной конструкции.

Авторы Академической грамматики именную фразу в форме именительного падежа во всех случаях считают подлежащим, упоминая, однако, о возможном возникновении „оттенка значения дополнения“ при наличии в предложении именной фразы в дательном падеже и/или при положении именной фразы в именительном падеже после сказуемого [MLLVG-II, 233]. В литературе высказывалось мнение, что подлежащие свойства в дебитивной конструкции переносятся на именную фразу в форме дательного падежа, соответствующую подлежащему основной недебитивной конструкции (ср. [Fennell, 1973]), тогда как именной фразе в форме именительного падежа (чередующегося в ряде случаев с винительным) приписывался статус „номинативного объекта“ наподобие номинативных объектов, наблюдаемых в прибалтийско-финских языках (ср. [Timberlake, 1974]). По мнению авторов настоящего доклада, не может быть единой интерпретации для всех случаев употребления именительного падежа во всех разновидностях дебитивной конструкции. По терминологии Кинена [Keenan, 1976], в ряде случаев на именную фразу в форме именительного падежа переносятся только „кодирующие свойства“ подлежащего, остальные же (прежде всего тематический статус) остаются за именной фразой в форме дательного падежа. В других же случаях имеются основания полагать, что именная фраза в форме именительного падежа приобретает полный набор подлежащих свойств. Показательно, что дебитивные конструкции крайне редко образуются от форм страдательного залога: вместо *Kartāgai jātiek sagrautai* употребляется *Kartāga jāsagrauj* ‘Карфаген должен быть разрушен’. Пассивные дебитивы излишни, поскольку в дебитивной конструкции объект чаще всего автоматически приобретает кодирующие подлежащие свойства, в переносе которых с субъекта на объект (при тематизации объекта и опущении субъекта) и заключается основной смысл пассивной трансформации.

В докладе выдвигается рабочая гипотеза, согласно которой приобретение объектом функциональных признаков подлежащего статуса (главным образом в отношении тематической структуры предложения) могло бы сопровождаться более последовательным проявлением формальных признаков такого статуса, напр.

- отсутствием или менее сильным проявлением тенденции к замене именительного падежа винительным в ненормированном языке (^{?1}*Jādzēr alu*, но *Šīs alus jāizdzēr*);
- более сильной тенденцией к применению согласования причастий, содержащихся в сложных формах вспомогательного глагола дебитива с именной фразой в форме именительного падежа (*Man ir bijis jāauklē bērni*^{?1}*bērnus*, но *Man šie bērni ir bijuši jāauklē*);
- и пр. (?)

Проверка этой гипотезы будет возможна только тогда, когда в нашем распоряжении будут более полные данные о фактическом положении в области употребления падежей, согласования вспомогательного глагола и прочих формальных признаков дебитивной конструкции в современном ненормированном латышском языке. С этой целью авторы доклада представляют предварительный вариант вопросника, при помощи которого можно было бы изучить фактическое состояние дебитивной конструкции в живом латышском языке.

Литература

- Andronovs, 1997 — A.Andronovs. „Vajadzības izteiksme” latviešu valodas gramatiskajā tradīcijā. // VIII tarptautinio baltistų kongreso „Baltų kalbos XVI ir XVII amžiuje“ pranešimų tezės. 1997 m. spalio 7–9 d. Vilnius, 1997. — pp. 17–18.
- Fennell, 1973 — T.G.Fennell. The subject of the Latvian verbs in the debitive mood. // *Baltic Literature and Linguistics*. / Ed. by A.Ziedonis, J.Puhvel, R.Šilbajoris, M.Valgemāe. Columbus / Ohio: AABS, 1973. — pp. 213–221.
- Holvoet, 1997 — A.Holvoet. Notes on the Latvian debitive. // *Res Balticae. Miscellanea Italiana di Studi Baltistici a cura di Pietro U. Dini & Nikolai Mikhailov*. 1997. — pp. 141–152.
- Keenan, 1976 — E.Keenan. Towards a universal definition of “Subject”. // *Subject and Topic* / Ed. by Ch.N.Li, New York: Academic Press, 1976. — pp. 303–333.
- Marvans, 1967 — J.Marvans. Par verbu izteiksmes kategoriju mūsdienu latviešu valodā. // *Latvijas valsts universitātes zinātniskie raksti. LX Sējums, 9 A laidiens, Rīga, 1967*. — 127.–133. lpp.
- Michelini, 1987 — G.Michelini. A proposito del debitivo lettone: analisi sincronica. // *Aevum. Rassegna di Scienze storiche e filologiche*. Vol. 61. Milano, 1987. — pp. 604–610.
- MLLVG-II — *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. II Sēj.* Rīga, 1962.
- Nau, 1998 — N.Nau. *Latvian*. München, Newcastle : LINCUM Europa, 1998.
- Timberlake, 1974 — A.Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic and West Finnic*. München: Sagner, 1974 (Slavistische Beiträge, 82).

Стурла Берг-Ульсен, Ханне М. Экхофф (Осло)

Родительный падеж и отымённые прилагательные в балтийских и русском языках — типологическое и диахроническое сравнение

1. Типология

Как известно, в синтаксисе балтийских и славянских языков очень много общих черт. Однако в области именного словосочетания между представителями этих двух языковых групп наблюдается существенная разница. Так, в современном латышском

языке отымённые прилагательные никогда не употребляются в определительной функции¹ (эту функцию исполняет исключительно родительный падеж существительного), в то время как в современном русском языке это явление весьма обычно. К тому же, в функции, которую можно назвать классифицирующей, в латышском языке употребляется почти исключительно родительный падеж существительного, в русском же языке здесь возможны только отымённые прилагательные.

(1) Определительная функция:

tammas kleita

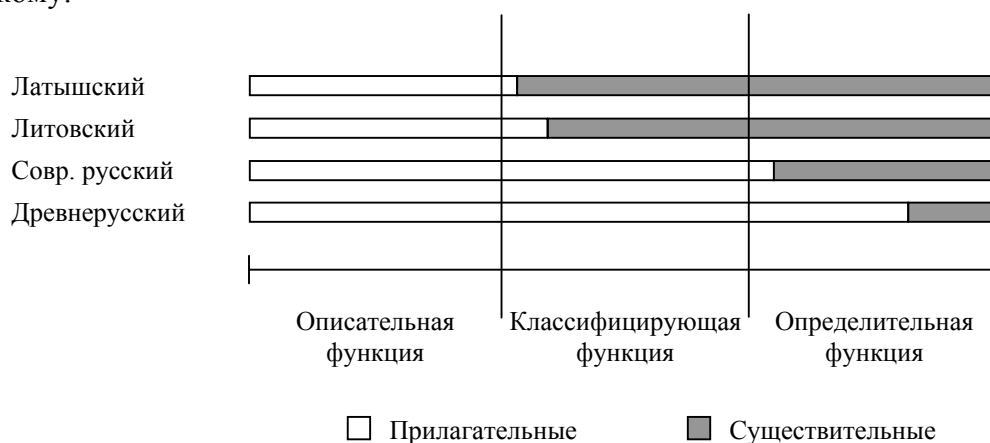
мамино платье / платье мамы

(2) Классифицирующая функция:

koka galds

деревянный стол

Если сравнивать современный латышский язык с древнерусским, то разница в этой области оказывается ещё большей, так как отымённые прилагательные в древнерусском в определительной функции играют главную роль, в то время как родительный падеж существительного употребляется только при определённых синтаксических условиях. Современный литовский язык, как кажется, занимает промежуточную позицию между современными латышским и русским, но ближе к латышскому.

2. Диахрония

Принято считать, что между балтийскими и славянскими языками существует особенно близкое родство по сравнению с остальными ветвями индоевропейской семьи языков. Поэтому особенно поразительна отмеченная выше синтаксическая разница. Для балтийских языков нет письменных источников древнейшего периода их истории. В литовском языке, являющемся наиболее архаичным из двух современных балтийских языков, наблюдается более обширное употребление отымённых прилагательных, чем в латышском, однако это относится только к классифицирующей функции. Что касается славянских языков, мы уже видели, что в древнерусском языке отымённые прилагательные занимали очень важное место в реализации как определительной, так и классифицирующей функций. Аналогичная ситуация наблюдается также в старославянском языке, представляющем собой древнейшую письменную фиксацию

¹ Мы предпочитаем употреблять термин „определительная функция“ вместо более обычного, но слишком неточного термина „посессивная функция“.

славянских языков. На этом фоне естественно ставить вопрос о том, какая из этих двух систем исконная. Единственная возможность получить ответ на этот вопрос — применение методов синтаксической реконструкции. Каково положение в других ранних представителях индоевропейских языков? В следующей таблице сравниваются некоторые языковые группы индоевропейского²:

	Греческий (Гомер)	Латынь	Индо-иранский	Германский	Балтийский	Ранний славянский
Род. падеж в определительной функции	Сильный	Сильный	Сильный	Сильный	Сильный	Ограниченный
Родительный материала ³	Встречается	Редкий	Редкий	Встречается	Частый	Редкий
Отымённые прилаг. в определительной функции	Встречаются (образуются преимущественно от имён собственных)	Встречаются (образуются только от имён собственных)	Встречаются (образуются только от имён собственных)	Отсутствуют	Отсутствуют	Очень частые (образуются от всех типов существительных)
Отымённые прилаг. в классифицирующей функции	Встречаются	Частые	Встречаются	Встречаются	Встречаются, но редко	Частые

Как показывает таблица, ранние славянские языки явно отличаются от других ранних индоевропейских языков в том, что отымённые прилагательные играют здесь гораздо большую роль и что роль родительного падежа относительно ограничена. Приведённые данные дают основание предполагать, что рассматриваемое явление представляет собой инновацию в славянском. Балтийские языки, в свою очередь, отличаются от остальных языков прежде всего в том, что роль отымённых прилагательных здесь незначительна. Наиболее вероятен вывод, что данная инновация в славянском произошла уже после возможного периода параллельного развития балтийского и славянского.

Kęstutis Bredelis (Vilnius)

Lietuvių kalbos sintaksės bei skyrybos dėstymo problemos ir perspektyvos

Šiame pranešime bus bandoma aptarti keletą aktualių problemų, kylančių dėl lietuvių kalbos mokymo metodų kaitos bei kai kurių sistemos dalykų pakitusių apibūdinimo. Vidurinėje mokykloje išmokstama kalbos sistemos pagrindų ir svarbiausių kalbos vartosenos reikalavimų. Išsamesnės kalbos studijos vyksta aukštesiose mokyklose. Todėl į vidurinės mokyklos programą gali būti įtrauktas tik aiškių ir neginčytinų (autoritetų patvirtintų) kalbos

² Таблица основывается главным образом на В. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Erster Theil. Strassburg, 1893 (III том Сравнительной грамматики индоевропейских языков К. Бругмана и Б. Дельбрюка).

³ Родительный материала является типичным представителем родительного падежа в классифицирующей функции.

dalykų mokymas. Tačiau dažnai vidurinėje mokykloje tenka aiškinti tokius dalykus, dėl kurių nesutaria mokslininkai. Pavyzdžiui, sudėtinio sujungiamojo sakinio dėmenų, sujungtų jungtuku *ir*, taip pat išplėstinių dalyvinių, pusdalyvinių ar padalyvinių aplinkybių skyryba neapibrėžta griežtomis taisyklėmis. Rašantysis pats gali spręsti, ar jam dėti skyrybos ženklą, ar ne. Tai kelia šiokią tokią painiavą ir pradeda nerašyti skyrybos ženklų ten, kur jų būtinai reikia.

Viena iš svarbesnių problemų — šalutinio sakinio bei lyginamųjų konstrukcijų skyrybos taisyklių konkretinimas.

Dažnai lyginamosios konstrukcijos vartojamos stilistiniais sumetimais, kaip papildomos pastabos ar išvados su ekspresiniu bei emociniu atspalviu. Dabartinės lyginamųjų konstrukcijų skyrybos taisyklės pagrįstos subjektyviais kriterijais, priklausančiais nuo intuityvaus suvokimo.

- Aiškinamieji priedėliai su jungtukais bei jungiamaisiais žodžiais *kaip*, *kaip antai* ir kt. taip pat skiriami kableliais: „*Aplink jį, kaip svarbiausią žmogų, kaime susirinko visi ūkininkai. Aplink jį, kaip svarbiausią žmogų kaime, susirinko visi ūkininkai*“ (skyryba priklauso nuo sakinio prasmės).

Aiškinamųjų sakinio dalių skyryba taip pat susijusi su subjektyviu sakinio prasmės suvokimu. Kai sakinyje eina dvi vienavardės sakinio dalys, antroji išskiriama iš abiejų pusių, jeigu ji aiškina pirmąją. Čia pateikiamos skirtingos to paties sakinio interpretacijos: pirmajame variante nėra aiškinamosios sakinio dalies; antrajame — aiškinamoji sakinio dalis yra „*tolumoje už miško*“; trečiajame — „*už miško*“; ketvirtajame išvelgiamos dvi aiškinamosios sakinio dalys „*tolumoje*“ ir „*už miško*“. Kaip matome, priklausomai nuo sakinio suvokimo skiriasi ir skyryba.

- *Ten tolumoje už miško girdėjosi skambi daina.*
- *Ten, tolumoje už miško, girdėjosi skambi daina.*
- *Ten tolumoje, už miško, girdėjosi skambi daina.*
- *Ten, tolumoje, už miško, girdėjosi skambi daina.*

Nemažai problemų kelia ir sudėtinio prijungiamojo sakinio šalutinių sakinių skyryba.

Оярс Бушс (Рига)

Заглавие статьи — имя или предложение/высказывание? (к постановке вопроса на материале латышского языка)

Ономасты постсоветского пространства, затрагивая в своей работе те или иные общетеоретические аспекты ономастики, не могут пройти мимо обобщающего труда А.В.Суперанской „Общая теория имени собственного“. В этой монографии высказывается мнение, что «„быть собственным именем“ — это свойство, присущее и слову, и предложению» [Суперанская, 1973, 109]. Если так, то формулировка проблемы, вынесенная в заглавие данного доклада, была бы вообще некорректна, т. е. противопоставление имени и предложения вообще не имело бы смысла. Однако на самом деле в приведённой цитате *быть* употребляется скорее со значением ‘стать’; хорошо известно, что предложения могут стать названием (именем) литературного произведения, фильма, картины и т. д. (*Москва слезам не верит* — *Maskava asarām netic*), но при этом они теряют свою расчленённость, приобретая взамен способность

замещать позицию одного члена предложения (т. е. бывшее предложение становится именем, не будучи, однако, в состоянии функционировать в обеих ипостасях одновременно). Таким образом, интересующий нас вопрос можно поставить и так: когда, в какой момент, предложение, являющееся заглавием статьи, становится именем — и становится ли вообще?

Как видно, при этом постулируется, что (любое) заглавие статьи первоначально является предложением. На самом деле это не совсем так, хотя и близко к этому. Уже первый, самый беглый просмотр конкретного материала показал, что, во-первых, в структурном отношении существует бросающееся в глаза различие между названиями газетных статей (НГС) и названиями научных статей (ННС). НГС в подавляющем большинстве случаев (около 90 % просмотренного материала) построены по „классической“ модели предложения, с финитной формой глагола в центре (напр., *Eiro nostiprina pozīcijas, Bušs sāk veidot administrāciju, Maskavā strauji aug dārdzība*). Среди же ННС, наоборот, конструкции с глаголом в центре почти не встречаются, доминируют именные высказывания (напр., *Līvi latviešu klasiskajās tautasdziesmās, Salikto krāsu nosaukumu atveide latviešu valodas skaidrojošajās vārdnīcās*). Отсутствие глагола предопределяет, что — по крайней мере с точки зрения грамматики зависимостей — эти структуры не могут быть отнесены к предложениям (см., напр., [Lagzdīņa, 1997, 26]). Однако существует принципиальная возможность постулирования нулевой формы глагола; по-видимому, необходимым условием для того, чтобы эта возможность реализовалась, является наличие парадигматической системы, в состав которой входит нулевая форма. Для доказательства наличия или отсутствия нулевой формы в заглавии (и тем самым наличия или отсутствия статуса предложения у данного заглавия) может оказаться необходимым не только учёт материальной формы заглавия, но и анализ содержания самой статьи (только учёт содержания статьи позволяет ответить, например, на вопрос, присутствует ли в заглавии нулевая форма экзистенциального глагола).

Основной вопрос данного доклада — когда заглавие статьи становится именем — требует уже не грамматического, а коммуникативно-ситуативного (функционального) анализа. Любое название статьи функционирует как кодовое обозначение (или часть кодового обозначения) данного объекта (т. е. статьи). Именем же название статьи является лишь в тех крайне редких случаях, когда соответствующая статья становится общеизвестным понятием для достаточно большой части данного языкового коллектива (напр., *Par seno kursu (jeb kuršu) tautību un valodu* или *Blīdenes vietvārdi kā pagātnes liecinieki* известны профессионалам, число которых, однако, не является достаточным для того, чтобы эти ННС стали бесспорными именами; примером же несомненного имени в русском языке можно считать, напр., *Луч света в тёмном царстве*).

Литература

- Суперанская, 1973 — А.В.Суперанская. Общая теория имени собственного. Москва, 1973.
Lagzdīņa, 1997 — S.Lagzdīņa. Vienkāršs teikums un tā robežas. // Baltu filoloģija. Sēj. VII. Rīga, 1997. — 21.–34. lpp.

Расуоле Владарскене (Вильнюс)

Конкурирующие структуры простых и сложных предложений в современных литовских документах

Язык документов — очень стандартизованная область языка. В языках с давней традицией текстов документов, например, в русском, немецком, французском, есть синтаксические штампы, которые употребляют уже давно. На литовском языке (как и на латышском) значительно больше документов стали писать в последнее десятилетие, когда Литва стала независимой. Устойчивых традиций языка документов нет, они создаются сейчас — принята Конституция, разные кодексы, множество законов.

Одна из важных проблем — выбор из ряда конкурирующих синтаксических структур самых подходящих для обозначения однотипных ситуаций.

Как пример возьмём конкурирующие структуры простых и сложных предложений, когда есть две предикации — главное и второстепенное действие (ограничимся только значениями времени и условия): *Nauja Vyriausybė gauna įgaliojimus veikti, kai Seimas pritaria jos programai* // *Nauja Vyriausybė gauna įgaliojimus veikti, Seimui pritarus jos programai*.

Главные отличительные свойства этих структур: структуры простого предложения отличаются неопределённостью значения и экономичностью формы, а структуры сложного предложения — конкретностью значения и акцентированием субъекта второстепенного действия.

Придаточные предложения времени или условия употребляются, когда указание времени или условия играет особенно важную роль: *Seimo nario įgaliojimai nutrūksta, kai: 1) jis miršta; 2) atsistatydina; 3) Seimas panaikina jo mandatą apkaltos proceso tvarka*. Когда в указание времени или условия играет второстепенную роль и важно само производимое действие, употребляются структуры простого предложения, чаще в всего деепричастные и причастные обороты: *Respublikos Prezidentui mirus, atsistatydinus, pašalinus jį iš pareigų apkaltos proceso tvarka, jo pareigas laikinai eina Seimo Pirmininkas, Konstitucinio Teismo pirmininką ir Teisėjus, šiurkščiai pažeidusius Konstituciją ar sulaužiusius priesaiką, Seimas gali pašalinti iš užimamų pareigų*.

В языке литовских документов наблюдается тенденция употреблять простые предложения, выражая второстепенное действие словосочетаниями с причастиями, деепричастиями или глагольными существительными. Некоторые такие структуры становятся штампами, например, из ряда конкурирующих структур *jei (kai) Seimas pritaria, Seimui pritarus* и *Seimo pritarimu* чаще всего употребляется словосочетание с глагольным существительным (*Ministrą Pirmininką Seimo pritarimu skiria Respublikos Prezidentas*), эта структура уже стала штампом (*muitinės sutikimu, savininko pageidavimu, pirmininko reikalavimu*).

Можно заключить, что язык современных литовских документов идёт путём „субстантивизации“, предпочитают структуры простого предложения, и этот процесс объясняется не только влиянием других языков (раньше русского, теперь английского), но и потребностями этой сферы общения.

Связи семантических структур предложений и способы их реализации

Общеизвестно, что предложение, его семантическая структура, передаёт не реальную ситуацию, а то, что осознаётся говорящим. Осознанная, но не вербализованная структура является лишь возможностью разных предложений. Само предложение уже имеет коммуникативную ориентацию.

Коммуникативная ориентация может быть двоякая.

Говорящий может представить реальную ситуацию с разной точки зрения её участников. От этого зависит соотношение участников ситуации с семантическими функциями структуры предложения, ср. разное „прочтение“ той же самой ситуации: *Отец купил у соседа велосипед за 200 литов* — *Сосед продал отцу велосипед за 200 литов* — *Отец заплатил соседу за велосипед 200 литов* (ср. Ч.Филлмор).

Разница иного порядка проявляется между структурами, одна из которых как бы прямо отражает реальную ситуацию, а другая (или другие) в разной степени обобщает первую, её имплицитно, и показывает оценку ситуации по отношению к цели действия или означает действие большего объёма. Такая новая, более субъективная интерпретация ситуации (или основной, базовой структуры?) в теоретическом плане близка к явлению интенции.

Возникает вопрос, это семантические структуры разные (как в первом случае) или иерархически упорядоченные?

О связях таких структур, может быть о вторичности последних позволяет говорить вся система лингвистических средств, реализующих переход от основных, базовых к обобщающим, более абстрактным.

Наиболее явно процесс обобщения проявляется в структурах с предикатами воздействия.

Достаточно малую степень обобщения передают разные глагольные лексемы, напр.: *Motina perbraukė ranka jam per veidą* ‘Мать провела рукою ему по лицу’ — *Motina paglostė ranka jam veidą* ‘Мать погладила рукою ему лицо’; *Gėlininkas deda eglišakes ant rožių* ‘Цветовод кладёт ветви ели на розы’ — *Gėlininkas kloja eglišakėmis rožes* ‘Цветовод покрывает розы ветвями ели’.

Чаще для обобщения используются глаголы так называемого соотносительного наименования. Соотносительное наименование понимается как использование лексемы, означающей желаемое действие, процесс или признак, для выражения воздействия на объект в обобщённой структуре. Обычно это достигается путём морфологической деривации — использованием некоторых суффиксов, напр.: *Vėjelis aušino įkaitusius skruostus* ‘Ветерок охлаждал нагретые щеки’. Действие именуется при помощи лексемы каузируемого процесса (*aušti*), а идею активности передаёт суффикс (*-inti*). Лексема соотносительной номинации как бы прячет настоящее действие, ею могут быть названы разные более конкретные действия. И это даёт возможность говорящему обобщать с разной степенью то, что выражается базовой, наиболее близкой к ситуации структурой, ср., *Vėjelis pučia į skruostus* ‘Ветерок дует в щеки’. Другие примеры: *Tėvas ramina dukterį* ‘Отец успокаивает дочь’ (*rimti* — *raminti*) — каузация эмоционального состояния; *Darbdavys pagerino darbo sąlygas* ‘Работодатель улучшил условия работы’ (*geras* — *gerinti*) — каузация признака; *Brolis*

pravirkdė seserį ‘Брат заставил плакать сестру’ (*verkti — virk-dyti*) — каузация деятельности и эмоционального состояния.

Действие может быть поименовано с помощью инкорпорации объектного актанта. Такое соотносительное наименование реализуется при помощи суффиксов *-auti, -uoti, -oti, -ėti*, напр.: *grybauti* ‘собирать грибы’ (*grybas*), *uogauti* ‘собирать ягоды’ (*uoga*), *obuoliauti* ‘собирать яблоки’ (*obuolys*) — инкорпорация пациенса; *sidabruoti* ‘покрывать серебром’ (*sidabras*), *nikeliuoti* ‘покрывать никелем’ (*nikelis*), *lakuoti* ‘покрывать лаком’ (*lakas*), *taukuoti* ‘покрывать жиром’ (*taukai*) — инкорпорация инструмента; *garbanoti* ‘делать локоны’ (*garbana*), *klostuoti* ‘делать складки’ (*klostė*) — импликация результата (с результатом и глаголами создания — несколько иная, не обсуждаемая здесь проблема).

Все эти действия обобщают разное количество более конкретных частных действий. Соотносительное наименование позволяет указать только общую связь действия с данным предметом, абстрагируясь от конкретного его проявления.

Такое обобщение иногда достигается только суффиксом, напр.: *Kiemsargis beria smėlį ant tako* ‘Дворник сыплет песок на дорожку’ — *Kiemsargis barsto taką smėliu* ‘Дворник насыпает дорожку песком’ (*berti — bar-styti*).

Отношения в семантической структуре предложения по направлению обобщения могут менять приставки. Наиболее явно это наблюдается в структурах с глаголами движения (местоизменения): *Berniukas važiavo dviračiu apie ežerą* ‘Мальчик ехал на велосипеде вокруг озера’ — *Berniukas apvažiavo dviračiu ežerą* ‘Мальчик объехал на велосипеде озеро’; и с глаголами воздействия: *Mergaitė papylė pieno ant stalo* ‘Девочка налила молока на стол’ — *Mergaitė apipylė stalą pienu* ‘Девочка облила стол молоком’. Похожее изменение достигается и приставками *per-, pra-, nu-, už-* и др. Нередко приставка только усиливает значение обобщённого отношения между предметами в силу своего грамматического значения совершившегося действия. В таких парах обобщение эксплицируется изменением семантической структуры.

Во всех случаях обобщения происходят типичные изменения в семантической структуре предложения. Обычно локативный, директивный или другой периферийный по синтаксической близости к предикату компонент переходит в более близкую позицию при предикате, а в случае инкорпорации актанта структура сокращается при похожем изменении отношений. В предложениях с глаголами воздействия меняется характер воздействия и предмет воздействия (при той же функции пациенса), в других группах в главной зависимой позиции появляется чаще всего локатив или директив.

Регулярность изменений семантической структуры, типическое изменение предикативной лексемы и существование морфологических средств, реализующих эти изменения, позволяет интерпретировать обобщённые структуры как вторичные, производные. Вместе с тем это выдвигает довольно сложную проблему иерархии семантических функций актанта.

Мария Вячеславовна Завьялова (Москва)

Некоторые предварительные замечания по поводу порядка слов в литовском языке⁴

Свободный порядок слов в литовском языке, как и во всех языках такого рода, предполагает варьирование позиций разных членов предложения во фразе. Однако прослеживаются определённые закономерности, позволяющие говорить о некоторых фиксированных моделях или, по крайней мере, о тенденциях взаимного расположения элементов. Традиционно считается, что в литовском языке преобладает основной порядок SVO, хотя и с оговорками, что в разговорной речи и в фольклоре иногда чаще встречается SOV, считающийся более архаичным [ГЛЯ; Ambrazas, 1982; Валянтас 1980]. Однако исследователи приходят к выводу, что порядок слов SVO стал доминирующим недавно и особенно преобладает в официально-деловых стилях литературного языка [Ambrazas, 1982, 102]. Тем не менее, факты показывают, что и в деловой письменной речи древний порядок слов с конечной позицией предиката является если не доминирующим, то, по крайней мере, намного более употребительным, чем в русском языке.

Некоторые языковые факты становятся более очевидными при сравнительном анализе разных языков, чем при рассмотрении, пусть и детальном, этих же закономерностей в рамках одной языковой системы. Так, при сравнении литовских и русских переводных эквивалентов — фраз бросается в глаза различный порядок слов не только в отношении объект-предикат, но и в отношении определяющее-определяемое. В литовском языке явно прослеживается тенденция к препозиции всех зависящих от определяемого элементов, будь то косвенное дополнение, определение или причастный оборот, например:

- *Dialektologija studijuoja dar nedidelį kalbinį išprusimą turintys studentai, baigę vos vieną kursą*
'Диалектологию изучают студенты, имеющие ещё небольшую языковую подготовку, закончившие только один курс'
*Диалектологию изучают ещё небольшую языковую подготовку имеющие студенты, закончившие только один курс
- *Pabaigoje pateiktame tarminių tekstų rinkinyje vartojama sudėtingesnė transkripcija...*
'В подборке диалектных текстов, которая прилагается в конце, используется более сложная транскрипция...'
*В конце в прилагающейся подборке диалектных текстов используется более сложная транскрипция...⁵

Как видно из примеров, порядок слов, аналогичный литовскому, в русском языке невозможен или сильно стилистически маркирован. Общей тенденцией является перенос в русском языке всех относительных и определительных конструкций вправо от главного слова с заменой многих причастных оборотов на относительные придаточные. Сохранение в литовском языке архаичного порядка слов объясняется универсалиями Дж. Гринберга, согласно которым препозиция определения и относительного предложения (а также прилагательного и генитива перед

⁴ Исследование выполняется при поддержке фонда INTAS, грант INTAS-99-00795.

⁵ Под звездочкой даётся пословный перевод с сохранением литовского порядка слов. Все примеры взяты из предисловия к учебнику по литовской диалектологии З.Зинкявичюса [Zinkevičius, 1994, 4].

существительным) должна соответствовать основному порядку слов SOV. Если допустить, что в литовском языке всё-таки в большей степени, чем в русском, сохраняется древний порядок слов SOV, становится понятным, почему определяемое имеет тенденцию следовать за определяющим. Однако интересны механизмы сохранности этой тенденции, противоречащие более свободному варьированию элементов, характерному для того же русского языка.

На этот вопрос, по-видимому, трудно ответить, не выходя за рамки собственно синтаксических моделей. Многие авторы, исследовавшие проблемы порядка слов, подчеркивали, что необходим комплексный анализ этих явлений, затрагивающий актуальное членение и фразовую интонацию [Степанов, 1989, 228; Ambrazas, 1982, 117–118].

Наблюдения над распределением темы и ремы в литовских и русских эквивалентных предложениях показывают, что в литовском языке вершина ремы тяготеет к концу синтагмы, в то время как в русском она часто выносится в начало, например:

- *Žodžiū junginiuose pagrindiniais komponentais einantys veiksmazodžiai gali būti tiek intranzityviniai, tiek tranzityviniai*

‘Глаголы, служащие в словосочетаниях основными компонентами, могут быть как непереходными, так и переходными’⁶

По-видимому, эта тенденция согласуется и с распределением фразовой интонации: вынесение вершины ремы в начало синтагмы образует структуру, характеризующуюся резким повышением тона с последующим постепенным понижением, в то время как помещение её в конец синтагмы должно создавать более плавные переходы к повышению/понижению тона. Анализ интонационного контура литовских и русских предложений показал не только более плавное распределение тона по всей структуре предложения в литовском языке (в то время как в русском явно выделяется интонационный центр, которому подчиняются второстепенные элементы, не выделяемые при произношении), но и ровное волнообразное повышение тона на ударных слогах практически каждого элемента. Получается, что для литовского языка более характерно пословное ударение во фразе, в то время как русский язык отличается большей подчиненностью отдельных элементов (слов) общему мелодическому контуру фразы. Таким образом, по-видимому, на примере литовского языка реализуется закономерность, сформулированная Т.М.Николаевой в книге „Фразовая интонация славянских языков“: „Наблюдения над включённостью слова во фразовую интонацию в том или ином языке показывают, что можно говорить о языках, в которых слова нанизываются как бусины, на линию фразовой интонации, мало при этом модифицируясь. Напротив, в других языках слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им... Представляется, что первый тип — это языки древние, или архаизированные, а также языки с менее разветвлённой литературной традицией“ [Николаева, 1977, 261–262].

Может ли такая интонационная структура быть одним из факторов, позволяющих сохранить архаичные модели, в том числе и порядок слов? Этот вопрос остаётся открытым, как и то, какие из упомянутых параметров — синтаксическая модель, актуальное членение, фразовая интонация — являются определяющими для

⁶ Вершина ремы помечена подчеркиванием.

фиксации определённого порядка слов. Однако представляется бесспорным тот факт, что все эти параметры одинаково важны для анализа литовского предложения.

Литература

- ГЛЯ — Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
Ambrazas, 1982 — V.Ambrazas. Žodžių tvarka ir baltų kalbų sakinio tipo rekonstrukcija. // Baltistica, 1982, T. 18₍₂₎ — pp. 100–118.
Валянтас, 1980 — С.Г.Валянтас. Сложное слово и синтаксическая конструкция. Праиндоевропейская модель в балтийских языках. Автореф. канд. дисс. Москва, 1980.
Zinkevičius, 1994 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1994.
Степанов, 1989 — Ю.С.Степанов. Индоевропейское предложение. Москва, 1989.
Николаева, 1977 — Т.М.Николаева. Фразовая интонация славянских языков. Москва, 1977.

Mirja Itkonena (Helsinki)

Datīva lietošana latviešu valodā, analizējot pēc teikuma locekļiem

Datīvs tiek lietots latviešu valodā ļoti daudzpusīgi, un tam ir vairākas interpretācijas. Tradicionāli mēdz aplūkot datīva kā subjekta vai objekta nozīmes, bet tāda analīze neaptver visus lietojumus. Tādēļ tiek piedāvāts sadalījums pēc teikuma locekļiem. Šī interpretācija ir viena no iespējamām versijām un tā nebūt nav viennozīmīga vai pilnīga. Ārpus pētījuma paliek gadījumi, kuru interpretācija ir vēl neskaidrāka. Piemēri ir ņemti no 20. gadsimta latviešu literatūras un 1990. gadu latviešu laikrakstiem.

1. Datīvs kā subjekts vai loģiskais subjekts
 - 1.1. Datīvs + debitīvs: *Man jālasa laikraksts.*
 - 1.2. Piederības konstrukcijas: *Inetai ir dēls. Kārlim pieder māja.*
 - 1.3. Vecums: *Cik Kristapam gadu?*
 - 1.4. Citas konstrukcijas ar būt: *Andrim ir auksti. Man [ir] bail.*
 - 1.5. Konstrukcijas ar citiem verbiem: *Sarmītei salst. Ievai gribas lasīt.*
 - 1.6. Datīvs infinitīva konstrukcijās: *Būt godīgam ir grūti.*
2. Datīvs kā objekts
 - 2.1. Datīvs kā tiešais objekts: *Atbilde man! Marija gatavojas eksāmenam.*
 - 2.2. Datīvs kā netiešais objekts: *Dodu Aijai ābolu. Čaks veltīja grāmatu Mildai.*
3. Datīvs kā predikatīvs: *Jābūt optimistam. Dzīvei jāklūst labākai.*
4. Datīvs kā atribūts: *Andra ir līdzīga mātei. Trieciens Latvijas ekonomikai.*
5. Datīvs kā adverbiālais loceklis vai tā daļa
 - 5.1. Absolūtais datīvs: *Tumsai iestājoties, jūtos noguris.*
 - 5.2. Datīvs ar prepozīcijām: *līdz stacijai; priekš kam.*
 - 5.3. Datīvs ar vietas vai citiem adverbiem: *Pretī namam ir skola. Atbrauc mums pakal.*
 - 5.4. Daļēji vai pilnīgi adverbializētas datīva konstrukcijas: *pa jokam; laikam; pagalam.*

Lietvārda locījuma formu konkurence latviešu valodā

1. Visi latviešu valodas locījumi, izņemot vokatīvu, ir polisēmiski — nominatīvs, ģenitīvs, datīvs, akuzatīvs, instrumentālis un lokatīvs. Katram locījumam ir sava semantiskā struktūra, kuras centrs ir locījuma paradigmātiskā nozīme, bet perifērija — atvasinātās sintagmātiskās nozīmes. Starp sintagmātiskajām locījumu nozīmēm ir izveidojušās arī noteiktas sinonīmiskas attieksmes, kuras fiksējamas, analizējot dažādu locījumu sintaktiskās funkcijas tiešā objekta, pielikuma, nolieguma u. c. formālajā izpausmē.

2. Ar lietvārda locījuma formu sinonīmiju ir cieši saistīta locījuma formu konkurence sintaktisko funkciju izteikšanā mūsdienu latviešu valodā, kas norāda, ka lietvārda locījuma formu lietojums mūsdienu latviešu valodā mainās. Viena no sinonīmiskajām locījuma formām tiecas izkonkurēt otru vai arī abas formas tiek lietotas paralēli. Šis paralēlisms tiek vērtēts divējādi — kā konkurence divu literāru formu starpā un kā konkurence literāras un neliterāras formas starpā.

3. Tipiskākie lietvārda locījuma formu konkurences gadījumi varētu būt šādi:

- vokatīvs — nominatīvs uzrunas funkcijā *tēv! // tēvs!*;
- ģenitīvs — nominatīvs noliegumā *man nav naudas // nauda*, pielikumā *Kaudzītes Matīss // Matīss Kaudzīte*, partitīvā nozīmē blakus skaitļa vārdiem *viņam ir desmit gadu // gadi*, mēra apstākļa vārdiem *šovasar saules // saule bija tik maz*;
- ģenitīvs — datīvs noderības jeb satura nozīmē *puķu vāze // vāze puķēm*;
- ģenitīvs — akuzatīvs kā tiešais objekts noliegumā *neteikšu neviena vārda // nevienu vārdu*, partitīvā nozīmē *bērns grib siera // sieru*; nolūka nozīmē blakus nenoteiksmei *iesim sienu // sienu pļaut*;
- ģenitīvs — instrumentālis partitīvā nozīmē blakus īpašības vārdiem *dārzs pilns ābolu // ar āboliem*; nepārejošiem verbiem *dārzs nezāļu pieaudzis // pieaudzis ar nezālēm*.

Vairākas ģenitīva nozīmes mūsdienu latviešu valodā funkcionē kā prievārdiski savienojumi blakus senākām bezprievārda formām:

- ģenitīvs — pēc + ģenitīvs mērķa nozīmē *ilgoties saules // pēc saules*;
- ģenitīvs — no + ģenitīvs ablatīva nozīmē *bīties soda // no soda*;
- ģenitīvs — par + akuzatīvs partitīvā nozīmē *kas man daļas // par daļu*.

4. Minētie piemēri ļauj secināt, ka lietvārda locījuma formu konkurence un tādējādi arī locījumu polisēmiskās un sinonīmiskās sistēmas attīstība lielā mērā ir saistīta ar ģenitīva polisēmijas pārveidošanos. Tā samazinās, jo daļa agrāko ģenitīva nozīmju tiek aizstātas vai lietotas sinonīmiski ar citiem locījumiem vai prievārdiskām konstrukcijām. Pārmaiņas galvenokārt saistītas ar locījumu perifērajām nozīmēm. Taču latviešu valodā iezīmējas tendence subjekta un objekta sfēras sadalījumu teikumā nostiprināt ar viena veida locījumiem. Respektīvi, subjekts vienmēr tiecas būt nominatīvā, tiešais objekts — akuzatīvā, ģenitīvam atstājot atribūta funkciju.

Jungties vieta sudurtinėse prūsų veiksmažodžio formose

Sudurtinės prūsų kalbos veiksmažodžio formos gali būti kelių tipų. Be visoms baltų kalboms pažįstamų veikiančios ir neveikiančios rūšies formų, dar yra savitos sudurtinės būsimosio laiko formos. Visų tipų sudurtinės formos susideda iš jungties ir veikiančios ar neveikiančios rūšies būtojo laiko dalyvio. Jungties funkcijas prūsų kalboje gali atlikti pagalbiniai veiksmažodžiai **būt(wei)* ‘būti’, **wīrst(wei)* ‘virsti, tapti’, *po-stāt(wei)* ‘pastoti, tapti’.

Jungties vieta sakinyje baltų kalbose ir vokiečių kalboje skiriasi. Sakysim, lietuvių kalboje ji yra sąlyginai laisva, tačiau įprasta sudurtinės konstrukcijos dėmenų tvarka yra tokia: sakinio pradžioje yra veiksnyis, po jo — jungtis (**J**) ir dalyvis (**D**). Tarp J ir D gali būti įsiterpę kiti žodžiai (pvz.: *Jis buvo tik ką grįžęs. Jo sūnus yra visų labai gerbiamas*). Vokiečių kalboje sakinio žodžių tvarka yra griežtai reglamentuota, o dėmenų seka vienas kito atžvilgiu priklauso nuo sakinio pobūdžio. Pagrindiniame sakinyje ji yra artima baltiškajai (**J ... D**), tačiau skiriasi nuo baltiškosios šalutiniame (ar netiesioginiame) sakinyje. Tokiais atvejais vokiškosios konstrukcijos jungtis atsiduria sakinio gale po dalyvio (**... D J**).

Prūsiškajame vertime dažniausiai laikomasi originalo žodžių tvarkos, plg.:

J ... D

- *Wo aber Obrigkeit ist / die ist vonn Gott ge=ordnet —*
Quei adder aina aucktimifkū aft / ftai aft effe Deiwan Enteikūton
‘Kur tačiau viena vyresnybė yra, ji yra nuo dievo patvarkyta’ III 89₂₀₋₂₁
- *Darumb wird ein Man seinen Vater vnd Mutter verlassen / vnd an seinem Weib hangen / vndd sie werden sein ein Fleisch —*
Steffe paggan wīrft ains wirs / fwaian Tawan / bhe mūtin powiērpuns / bhe en fwaiafsmu gennan kabūns / bhe ftai wīrft boūns ains menfas
‘To dėlei tampa vienas vyras savą tėvą bei motiną apleidęs (= apleis) ir į savą moterį (įsi)kabinęs (= įsikabins), ir jie tampa buvęs (= taps) vienas kūnas’ III 101₂₁₋₂₄

... D J

- *Wo das Wort Gottes lauter vndd rein gelert wirdt —*
Quei ftas wirds Deiwas / kaltzīwingifkai bhe fskij=ftan mukints wīrft
‘Kur tas žodis dievo skambiai bei tyrai mokintas tampa (= mokomas)’ III 49₆
- *...das ist mein Leyb / der für euch gegeben wirdt —*
...fta aft mais kērmens / kas pērwans dāts wīrft
‘tai yra manas kūnas, kuris už jus duotas tampa (= duodamas)’ III 75₅
- *Vnd ob wir damit ange=fochten würden / ...endlich gewinnen vnd den sieg be=halten —*
Bhe ikai mes senstefmu ankaitūtai wīrftmai / ...en=wangan augaunimai / bhe ftan epwarrīsnan po=lāikumai
‘ir, nors mes su tuo sukurstyti tampame (= esame sukurstomi) ...pagaliau išgauname ir tą pergalę palaikome’ III 55₂₂
- *Was Gott zusammen gefūget hat / sol kein Mensch scheiden —*
Ka Deiws emperri fendāuns aft / fkan [= ftan] turei niains smunents sklaitint
‘Ką dievas bendrai sujungęs yra, tą (ne)turi nė vienas žmogus (iš)skirti’ III 109₂

Visais atvejais, kai vokiškajame originale yra konstrukcija **J...D**, prūsiškasis vertimas ją atkartoja. Tačiau vokiškoji konstrukcija **D J** neretai verčiama, sukeičiant dėmenis vietomis:

vokiečių **D J** — prūsų **J D**

- *Ob du vngedorfam / vn=getrew / vnfleyffig gewest seyest —
Anga toū nipokluſmings / ni ifarwis niſeilewingis affai boūuns*
‘Ar tu nepaklusnus, ne-ištikimas, nejautrus **esi buvęs**’ III 67₅₋₆
- *Vnd Gott ſahe alles / was Er ge=macht hatte —
Bhe Deiws endeirā wiſſan / kan tans bei teikūuns*
‘Ir dievas pažiūrėjo visa, ką jis **buvo (su)kūręs**’ III 107₄
- *Ob du jemandt leyd gethan habest —
Anga tou ainontſmu wargan affai ſeggī=uns*
‘ar tu kam nors skausmą **esi daręs**’ III 67₆₋₇
- *Vondannen er kommen wird zu richten die lebendigen vnd die toden —
Stwendau wirft pergubons leygenton ſtæns geywans bhe aulaunſins*
‘Iš ten **tampa atvykęs** (= atvyks) teisti tuos gyvus ir numirusius’ II 9₄
(pirmajame ir antrajame katekizmuose išlaikyta vokiškoji žodžių tvarka).

Vertimo skirtumų dažniausiai randame veikianosios rūšies konstrukcijose. Galimas dalykas, kad neveikiamoji rūšis gyvojoje prūsų kalboje dar nebuvo įsitvirtinusi, todėl ji labiau priklausoma nuo originalo. Kartais neveikiamoji rūšis net išversta veikiama:

- *Vnſer herr Jefus Chriſtus jn der nacht do er verraten wardt...*
‘Mūsų viešpats Jėzus Kristus toje naktyje, kada jis **buvo išduotas**...’ —
Nouſon reykeis Jsus Chricstus anſtan naktin kaden proweladin...
‘Mūsų viešpats Jėzus Kristus toje naktyje, kada **išdavė** jį...’ II 13₄
(taip pat I 13₄, bet Enchiridione sekama originalu III 75₂).

Prūsiškoji žodžių tvarka ypač ryški tuomet, kai vertimas yra laisvas:

- *JCH glewbe an Gott \ Vater almechtigen \ Schepffer himmels vnd der erden*
‘Aš tikiu į dievą, tėvą visagalį, **kūrėją** dangaus ir žemės’ —
AS drowe an Deiuan \ Thawan wiſmofing \ kas aft taykowuns dangon bah [= bha] femmin
‘Aš tikiu į dievą, tėvą visagalį, kuris **yra kūręs** dangų ir žemę’ I 7₁₀
(taip pat yra visuose trijuose katekizmuose).
- *Was iſt das?*
‘Kas tai yra’ —
Ka aft ſta billūton?
‘Kas **yra** tai **bylota**?’ III 53₃

Vertimo skirtumai rodo, kad žodžių tvarka sudurtinėse prūsų kalbos formose turėjo būti tokia, kaip ir kitose baltų kalbose. Tai vienas iš bendrų visiems baltams sintaksės ypatumų.

Lietuvių kalbos predikatyvų funkcijos

1. Predikatyvo funkcija (toliau PF) laikome tai, kas tradicinėje sakinio dalių sintaksėje vadinama sudėtinio tarinio vardine ar prasmine dalimi ir predikatinio pažyminiu. Visais šiais atvejais kalbėtojas kokiam nors deskriptui priskiria požymį kaip būvį, pasitelkdamas veiksminį predikatą, reikalingą tam požymiui orientuoti su kalbėjimo situacija.

2. PF esmę, jos semantinę diferenciaciją ir raišką nevienodai sąlygoja trys faktoriai: 1) pačios PF realizanto kategorinė semantika, 2) bendrai sintaksinei funkcijai blokuojamo veiksminio predikato leksinė reikšmė, 3) deskripto sintaksinė funkcija ir raiška.

3. PF realizantų skiriami 4 kategorinės semantikos tipai: daiktavardiškieji, būdvardiškieji gimininių formų, būdvardiškieji negimininių formų (neutrum), veiksmažodiškieji. Daiktavardiškieji charakterizuojamojo būvio predikatyvai sudaro papildomą funkcinę opoziciją: pastovaus būvio (*Jis buvo mokytojas* — jo profesija) ir laikino būvio (*Jis buvo mokytoju* — laikinas užsiėmimas). Daiktavardiškieji predikatyvai gali turėti savitą priklausomybės būvio funkciją (*Ta mašina buvo tėvo*). Būdvardiškiems lietuvių kalbos predikatyvams nebūdinga skirti pastovų ir laikiną būvį (*Jis buvo mažas*). Būdvardiškieji neutrum predikatyvai vartojami tik beasmeniuose sakiniuose (*Jam buvo liūdna*). Kitaip ribojama veiksmažodinių predikatyvų vartoseną, bet čia jų neaptarinėsime.

4. Silpnu priešliejimo santykiu lietuvių kalbos predikatyvai gali būti siejami su kelių semantinių grupių veiksmažodžiais: su desmantizuotu būti (*Jis buvo mokytojas / mokytoju, buvo mažas*), su virsmą rodančiais veiksmažodžiais (*Jis tapo mokytojas / mokytoju, tapo liūdnas*), su subjektyvų vertinimą rodančiais veiksmažodžiais (*Jis atrodė ligonis, liūdnas*). Pastarųjų dviejų grupių veiksmažodžiai gali turėti ir tranzityvinius atitikmenis, galinčius eiti predikatyvo partneriais (*Jį padarė, laikė ligoniu*). Kuo veiksmažodis semantiškai pilnesnis, tuo jo predikatyvas savarankiškesnis. Savitas būdvardinio tipo predikatyvas gali eiti su judėjimo, padėties bei jos kitimo veiksmažodžiais, su fakto nustatymo veiksmažodžiais (*Jis parėjo (sėdi, atsisėdo) liūdnas. Duris rado atdaras*).

5. Lietuvių kalbos predikatyvo gramatinę raišką daugiausia lemia deskripto sintaksinė funkcija ir gramatinė raiška. Asmeniniuose sakiniuose predikatyvas dažniausiai rodo veiksmiu einančio deskripto predikuojamąjį požymį (*Jis buvo liūdnas*), bet tam tikrais atvejais tai gali būti įvairių papildinių funkcijas atliekančių deskriptų požymis (*Duris rado atdaras. Niekas jo nematė supykusio. Ožkai lupo kailį gyvai*).

Beasmenėse konstrukcijose predikatyvas gali rodyti požymį netiesioginio subjekto, reiškiamo naudininuku (*Jam teko būti vienam*), o specifinės neveikiamosios rūšies deskripto kilmininką atitinka irgi kilmininkas (*Senutės būta šnekios*). Taigi lietuvių kalba turi kelias versmes rasti dvejetainių linksnių konstrukcijoms.

Beasmenėse konstrukcijose, kur predikatyvas apibūdina eksperienčerio būsenos būvį, vartojama būdvardiškųjų žodžių neutrum forma (*Jam buvo liūdna*).

6. Lietuvių kalbos predikatyvų raiška daug įvairesnė nei rusų kalbos, kur dažniausiai turima fiksuota įnagininko forma.

Datīva sintaktisko funkciju sistēma mūsdienu latviešu valodā

1. Vārdformu vispārinātās gramatiskās nozīmes un no tām izrietošais lietojums teikumā ir viena no svarīgākajām sintakses problēmām. Datīvs ir viena no tām vārdformām, par kura sintaktisko funkciju sistēmu latviešu valodniecībā nav vienprātības. (Par šo problēmu rakstījuši A.Ozols, J.Kārklīšs, I.Freimane un citi.) Pie šī jautājuma risināšanas latviešu valodnieki atgriežas arvien no jauna, jo datīva sintaktisko funkciju izpratne ir cieši saistīta ar teikuma gramatiskā kodola izpratni, kā arī ar sintaktisko sakaru tipoloģiju.
2. Katrai vārdformai ir centrālā, galvenā sintaktiskā funkcija un perifēriskās sintaktiskās funkcijas. Datīva primārā sintaktiskā funkcija ir netiešā objekta funkcija (jo subjekta nozīmes tipiskais izteicējs ir nominatīvs, savukārt tiešā objekta nozīmes izteicējs ir akuzatīvs — tāpat šīs funkcijas ir jau „aizņemtas”). Tomēr datīvs latviešu valodā ir cieši saistīts arī ar subjekta nozīmes (vai vismaz tās nianšes) izteikšanu — pie verba vajadzības izteiksmes formā, absolūtā datīva konstrukcijā un citur. Tāpat datīvs it kā svārstās starp subjekta un objekta nozīmēm, bet reizēm apvieno tās abas.
3. Datīva funkciju vērtējumā par pamatu ņemta teikuma locekļu tipoloģija, kas balstās uz šādu funkciju pretstatījuma: gramatiskā centra locekļi — pakārtoti teikuma locekļi, kas teikumā iesaistās uz vārda sakaru pamata, — brīvi teikuma paplašinātāji, kas piesaistīti visam teikumam un neiesaistās uz vārda sakaru pamata.
4. Mūsdienu latviešu valodā datīvam atzīstamas šādu teikumlocekļu funkcijas:
 - 1) Vārdkopu atkarīgais komponents ar (netiešā) objekta nozīmi: *dot bērnam ābolu, rakstīt tēvam vēstuli*. Teikumos ar neitrālu vārdu kārtu tas atrodas aiz verba (retāk nomēna), kuram ir pakārtots.
 - 2) Determinants — teikuma loceklis ar sinkrētisku subjekta un objekta nozīmi, kas neveido vārdkopu pie verba. Šāds datīvs parasti atrodas teikuma sākumā un sastopams,
 - pirmkārt, pie vienpersonas verbiem: *Man vajag darbu. Viņai gribas kafiju.*
 - otrkārt, pie stāvokļa adverbjiem vai verbiem: *Man ir silti. Viņam salst.*
 - treškārt, pie *būt* piederības nozīmē: *Viņam ir liela māja.*Determinanta sintaktiskais saistījums ar pārējo teikumu ir visai brīvs (neraugoties uz to, ka tas var būt obligāts, lai veidotos semantiski pietiekams teikums), tāpēc to uzskata par visa teikuma paplašinātāju, kas neiesaistās uz vārda sakaru pamata.
 - 3) Datīva spilgti izteiktā subjekta nozīme pie izteicēja debitīvā vedina to uzskatīt par teikuma priekšmetu. Jautājuma risinājums atkarīgs no tā, kādus kritērijus izvirza teikuma priekšmeta noteikšanā. Datīvu var atzīt par teikuma priekšmetu, balstoties uz semantiskiem un paradigmātiskiem kritērijiem. Otra iespēja ir uzskatīt to par determinantu. Datīvs var veikt teikumpriekšmeta funkciju kopā ar saitiņverbu nenoteiksmē: *Kļūt gudram ir grūti.*
 - 4) Datīvu iespējams lietot sekundāri predikatīva komponenta funkcijā — tad tas veido otru, slēptu gramatisko centru teikumā. Šāds lietojums ir absolūtā datīva konstrukcijā, kur datīvs izsaka sekundāra subjekta nozīmi: *Gadiem ritot, auga pieredze.* Datīvs kopā ar saitiņverbu nenoteiksmē var būt sekundārs izteicējs: *Es iesaku jums būt uzmanīgiem. Palīdzi viņam kļūt gudrākam.*

Daži jautājumi teikuma sakarā

I. Referātā iecerēts ieskatīties teikuma locekļu hierarhijā un izteikt dažas domas par to apguvi mācību procesā⁷. Šajās pārdomās tiek izmantota galvenokārt latviešu valodniecības pieredze, kas balstīta uz latviešu valodu.

Teikuma izpratnē ir dažādi aspekti [Blese, 1922, 225–250; Loja, 1968, 236–239], kuros ir vērojamas tendences to skaidrot no loģiskā [Пешковский, 1914, 113] vai psiholoģiskā [Paul, 1920, 121] viedokļa. Teikums ir valodas parādība, tāpēc jāņem vērā arī gramatiskais aspekts [Wundt, 1900, 235–238], kas uzskatāmi redzams mūsdienu gramatikās.

Jaunākajās skolu mācību grāmatās no teikuma definējumiem izvairās, taču tiek doti pilnīgi vai mazāk pilnīgi teikuma būtības skaidrojumi [Koluža, 1995, 28; Lāce, 1995, 158; Veckāgana, 1997, 12].

II. Nosakot un klasificējot valodas sistēmas un to funkcijas, tiek atzīts, ka teikums veic komunikatīvo funkciju, pret ko, mūsdiem, nav iebilstams arī no teksta teorijas viedokļa, jo teikums ir teksta vienība, kuras attiecīgo informāciju realizē teksts (tāpat kā vārda nozīmi — teikums).

III. Īpaši neiedziļinoties jautājuma vēsturē par teikuma parādību izpratni un attiecīgo terminoloģiju, referātā vadāmies no pieņēmuma, ka teikumu veido tā komponenti (resp. vārdi vai to ekvivalenti), kurus atkarībā no to funkcijām iespējams klasificēt dažādas kvalitātes kategorijās: 1) teikuma locekļos, 2) teikuma locekļu funkcionālos ekvivalentos jeb pavadoņos, 3) teikuma locekļu sakara izteikšanas komponentos, 4) teikuma vai tā locekļu nozīmes niansētajos komponentos (partikulās, paskaidrojošās vārdu grupās), 5) iespraudumos, kas izsaka komunikatora subjektīvo attieksmi vai papildu paskaidrojumu par teikuma vai tā locekļa izteikto saturu.

1. Teikuma locekļus, ja tos izprot tradicionālā terminoloģijā, var klasificēt un tie tiek klasificēti dažādi. Izsenis tiek nošķirti virslocekļi un palīglocekļi.

Virslocekļi veido teikuma gramatisko centru, divkopu teikumā tie ir teikuma priekšmets (TP) un izteicējs (I), vienkopas teikumā — galvenais loceklis (GL).

Šo teikuma locekļu sakarā ir dažādas nostādnes: vieni domā, ka teikumā galvenais ir TP kā „absolūti apzīmējamais” [Reformatskis, 1975, 269], otri uzskata, ka TP un I ir savstarpēji atkarīgi [Ельмслев, 1961, 257], ka tie ir kondominantes [Ozols, 1961, 257], trešie atzīst, ka centrālais loceklis ir I, kas lielā mērā nosaka teikuma struktūru.

Skolu mācību grāmatās dominē uzskats, ka TP un I ir savstarpēji atkarīgi teikuma locekļi. Šādu atziņu, domājams, balsta metodiski apsvērumi un vārdu savienojumu dalījums vārdkopās un predikatīvos vārdu savienojumos.

Pēdējā laikā latviešu valodas sintakses pētījumos dominē trešais viedoklis [Rozenbergs, 1970, 49–66; Kārklīšs, 1976, 26–35; Ceplītis, 1989, 62. un sek.]. Tas radies, uzlūkojot darbības vārdu par izteicēja (predikāta) tipiskāko realizētāju, jo izteicējs ir būtisks teikuma struktūras noteicējs, ko savukārt sekmē valences teorijas attīstība, piemēram: *Andrejs rokas aizslēpa aiz muguras. Andrejs ir dārzā. Andreja nav dārzā. Andrejam jābūt dārzā.*

Teikuma sakarā problemātiska ir ne tikai teikuma gramatiskā centra locekļu, bet arī pārējo teikuma locekļu kvalifikācijā (sk. minēto literatūru). Vadoties no teikuma locekļu

⁷ T. s. negramatiskie teikumi (izsacījumi) referātā netiek aplūkoti.

funkcionālās nozīmības, teikuma uzbūvē visus teikuma locekļus iespējams klasificēt vairākās pakāpēs. Ja par teikuma primāro loekli tiek uzlūkots izteicējs, tad tas ar valento spēju sev piesaista citus teikuma locekļus. Turklāt šī piesaiste var būt obligāta (1) t. i. valences noteikta, vai fakultatīva (2), t. i. valences prognozēta, bet ne obligāta. ((1) *Andrejs pļauj sienu.* (2) *Andrejs ar izkapti pļauj sienu aiz purviņa.*

Obligāts divkopu teikumā ir eksplicēts vai implicēts TP un obligātie papildinātāji un apstākļi. Taču papildinātāji un apstākļi var būt arī fakultatīvi.

Apzīmētāji ir īpatni teikuma komponenti. Tie nav raksturīgi teikuma gramatiskās struktūras veidotāji, bet tie galvenokārt ir teikuma locekļa semantikas raksturotāji (*Vērtīgus ierosinājumus ir devusi dzelzceļa transporta darbinieku aktīva ārkārtas sanāksme*).

2. Latviešu valodas gramatikās teikuma locekļu līmenī ir atzīts pielikums, kas būtībā ir kura katra teikuma locekļa funkcionāls ekvivalents jeb pavadonis, kas „raksturo vai precizē paskaidrojamo vārdu”, resp., teikuma loekli, kā daži gramatiku autori paši atzīst [Veckāgana, 1997, 27]. Līdzīgā statusā funkcionē arī t. s. paskaidrojošo vārdu grupas, kas ir tā paša teikuma locekļa funkcijā, kuru tie paskaidro.

3. Teikuma locekļu sakara izteikšanas komponenti ir tie palīgvārdi, kas izsaka gramatisko nozīmi. Tie ir prievārdi un saikļi.

4. Teikuma vai tā locekļu leksiskās semantikas niansētāji komponenti ir partikulas. No leksiski semantisko funkciju viedokļa līdzīgi ir arī iespraudumi — skat. III. 5).

IV. Teikuma locekļus un to funkcionālos ekvivalentus var izteikt dažādi. No metodiskā viedokļa lūkojoties, mācību grāmatās tie būtu dodami vienotā sistēmā, jo visi teikuma locekļi var būt 1) vienkārši un salikti, 2) nesavrupināti un savrupināti, 3) nevienlīdzīgi un vienlīdzīgi, 4) neatkārtoti un atkārtoti, 5) bez salīdzinājuma izteikti vai ar salīdzinājumu izteikti. Šāda tipa metodiskā pieeja jau ir vērojama [Veckāgana, 1997, 27; Pauliņš, 1978, 163].

Šeit izteiktās pārdomas ir uzlūkojamas kā rosinājums minēto problēmu risināšanā.

Literatūra

- Blese, 1922 — E. Blese. Ievads valodniecībā. Rīga, 1922.
Ceplītis, 1989 — L. Ceplītis, J. Rozenbergs, J. Valdmanis. Latviešu valodas sintakse. Rīga, 1989.
Kārklīšs, 1970 — J. Kārklīšs. Vienkāršs teikums sintakses sistēmā. Liepāja, 1976.
Koluža, 1995 — R. Koluža u. c. Latviešu valoda. Rīga, 1995.
Lāce, 1995 — R. Lāce. Latviešu valoda. Rīga, 1995.
Loja, 1968 — J. Loja. Valodniecības pamatjautājumi. Rīga, 1968.
Ozols, 1961 — A. Ozols. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīga, 1961.
Paul, 1920 — H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1920.
Pauliņš, 1978 — G. Pauliņš, J. Rozenbergs, O. Vilāns. Latviešu valodas mācības pamatkurss. Rīga, 1978.
Reformatskis, 1975 — A. Reformatskis. Ievads valodniecībā. Rīga, 1975.
Rozenbergs, 1970 — J. Rozenbergs. Ģenitīva funkcionālo tipu sistēma latviešu valodā. // Latviešu valodas un literatūras problēmas. Rīga, 1970. — 49.–66. lpp.
Veckāgana, 1997 — V. Veckāgana. Latviešu valoda. Rīga, 1997.
Wundt, 1900 — W. Wundt. Volkerpsychologie. Leipzig, 1900.
Ельмслев, 1960 — Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. // Новое в лингвистике. Вып. I. Москва, 1960. — с. 264–389.
Пешковский, 1914 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Москва, 1914.

Latvijas publicistikas valoda: sintakses īpatnības

Sintakses īpatnības ir cieši saistītas ar kopējām likumsakarībām publicistikas valodas attīstīšanā, ar dažādiem komunikatāvajiem, sociolingvistiskajiem u. c. faktoriem. Daudz izmaiņu var vērot mūsdienu laikrakstos: ir parādījušies jauni žanri (piem., citu preses izdevumu referēšana ar tulkojumu — „Pēc latviešu (krievu) preses materiāliem”), jaunas tendences informācijas avotu norādē (piem., „kā informē com.ru”)

1. Virsrakstu sintaktiskās struktūras atšķiras latviešu un krievu valodas laikrakstos. Latviešu valodas izdevumos pārsvarā lietojamas sintaktiski „pareizas” konstrukcijas (pilni divkopu teikumi), kuras pirmām kārtām ir vērstas uz informācijas sniegšanu, kas nozīmē mazāku pragmatisku potenciālu. Krievu valodas laikrakstos virsrakstu sintaktiskās konstrukcijas daudzveidīgākas, vairāk izteikta tieksme rādīt pilnīgu pragmatikona spektru. Sal.: *Atlaistie cukurfabrikas strādnieki kļūst par bezdarbniekiem* (I.Kalniņa / Brīvā Dugava, 1999. g. 17. nov.). *Uz pieminēkļa uzlīmē nacionālboļševiku aicinājumu* (BNS / Brīvā Daugava, 1999. g. 17. nov.). *Pārdod cilvēka acis* (Vakara Ziņas, 1996. g. 2. maijs). — *Закат восходящего солнца* (А.Беляев / Час, 21 июля 1999). *Подъем!* (А.Говорушко / Суббота, 17 окт. 1998). *Теория и практика террора* (А.Тарховски / Час, 21 апр. 1998).

Krievu valodas masu mēdijos pilni teikumi parādās pārsvarā sensāciju virsrakstos. Sal. *Коп-нацист изнасиловал негра* (В.Мараховский / Час, 15 дек. 1999).

2. No sintakses izteiksmīgākajām konstrukcijām visbiežāk izmanto parcelāciju. Konstrukcija nozīmes ziņā ir ļoti daudzveidīga, gandrīz katrā gadījumā tā piešķir jaunu nozīmes niansi. Piem.: *Un Vācietis jau nu bija tas kūtrais un blēdīgais kalps, kas savu talantu apraka zemē. Tēvzemē. Mēsliņos laikos.* (Laikmetiskais pravietis Jānis Rokpelnis / Rīgas Laiks, 1999. g. Nr. 4.). *Sirds ietrīsējās, par miesu pārskrēja drudzaini šermuļi un... sāku sarunu. Virtuālu. Internetā.* (Runā! Acīs neskaties! J.Kulmanis, I.Lase / SestDiena, 1999. g. 15. maijs). *Родить. Сегодня. В Латвии.* (Э. Чуянова / Час, 8 апр. 1998). *Все гениальное просто. Особенно в Техасе.* (Преступление века / Час, 28 апр. 1998). *Имморализм, кислота, экстази, техно, рейв, стробоскопы, птючи. Найт-клубы.* (Юноша бледный со взором горящим. А.Евдокимов / Час, 15 февр. 1999).

3. Raksturīga mūsdienu Latvijas laikrakstu pazīme — lasītāju tiešā uzruna, kas sekmē ciešāka kontakta dibināšanu, intimitāti u. c. *Mīļie, pie šādās diētas var uzbaroties!* (Survival. A.Krems / Rīgas Laiks, 1999. g. Nr. 4.). *Так что, читатель, делай выводы! Не облегчай жизнь ворью собственной безалаберностью.* (За кражу часов — два года тюрьмы. Д.М. / Вести, № 30 (320), 29 июля 1999).

4. Stilistiski un semantiski izteiksmīgas ir struktūras ar vienlīdzīgu teikuma locekļu rindu, vai arī citu tipu vārdu rindu. *Kaut papīrs, gaisma, tārpi, masīva koka galds, rakstāmpults un krēsli spēj stāstīt arī paši par sevi.* (Ar smeķi taisīts, ar smeķi skatāms. A.Eglīte / Jaunā, 1998. g. 23. nov.). *Tālāk — trākāk: narkotikas, krimināli nevainīgi jociņi, sekss, autozādzības un skumju plīvurs pāri visam. Pat Ametikā.* (Aiziet dimbā. N.Naumanis / Dienas izklaide, 1999. g. 9. jūlijs). *Mīļietas. Istabas lietas, piemiņas lietas, derīgas lietas, dīvainas lietas, drošas lietas, vecas lietas, nepatīkamas lietas, svarīgas lietas, interesantas lietas, mazas lietas, lielas lietas, personiskas lietas.* (A.Dzalbe / Una, 1998. g. febr.). *Самый знаменитый. Самый престижный. Самый помпезный. Самый влиятельный. Самый „звездный“.* (Пальмовое масло (Канн) / Час, 13 мая 1999). *Золотые купола, серебро эполет, водка-бублики-гармонь, отец-Император, дружный приветственный рев юнкеров, ангелоподобный наследник.* (День „Ц“. А.Гаррос, А.Евдокимов / Час, 20 февр. 1999).

On the syntax of Latvian *kas* ‘who/what/which’

The pronoun *kas* is one of the most frequent words in Latvian. It has several functions and enters into different syntactic constructions. The various functions are commonly divided into three groups: interrogative, relative, and indefinite. For a syntactic analysis of clauses and constructions with *kas*, some further subdivision is necessary.

As an interrogative pronoun, *kas* is employed in independent as well as dependent clauses. This difference roughly corresponds to that of direct vs. indirect questions:

- (1) *Kas to darīs visu?* ‘Who will do all that?’
- (2) *Un es vairs nezinu, ko lai es daru.* ‘I didn’t know anymore what I should do.’

In both cases, the predicate can be a finite verb, as in the previous examples, or an infinitive, as in (3):

- (3) *Man bija jāizlemj, ko nu darīt.* ‘I had to decide what to do now.’

Relative clauses can be divided depending on whether there is an antecedent or not (as in (5)), and in case there is one, whether this is a noun phrase, as in example (4), a pronoun, or some other element.

- (4) *Ir tie sapņi, kas atkārtojas.* ‘There are those dreams that repeat themselves.’
- (5) *Mums ir arī, kas gribētu nākt.* ‘We also have [people], who would like to come.’

As in interrogative clauses, there are finite and infinite relative clauses, both with and without antecedent:

- (6) *Mums nebūs varbūt ne tāda [zupa], ko ēst vēl.* ‘We will maybe not have even such [a soup] that we could eat.’
- (7) *Mums nebija kam paprasīt.* ‘There wasn’t [anyone] whom we could ask.’

Analyzing constructions where *kas* functions as an indefinite pronoun, we can distinguish “bare *kas*” from combinations of *kas* with another element, e.g. *kaut kas*, *daudz kas*, *viss kas*, *kas nu*, *vai kas*.

- (8) *[...] ja man kas jāpērk ir.* ‘In case I have to buy something.’
- (9) *Tehnikumā mēs visu ko toreiz mācējām iztaisīt.* ‘At the polytech, we knew how to produce all manner of things at that time.’
- (10) *Nu un varbūt vienu ābolīti uzmēģiniet vai ko atkal.* ‘Now maybe you would like to have another apple or something else.’

The examples given here are taken from my corpus of spoken narratives produced by elder Latvians for the National Archive of Oral History. In my paper, I will discuss the various uses of *kas* that are attested in this corpus. The aim of my paper is to show how several functions and constructions are related to each other. The distinction between interrogative, relative and indefinite uses of the pronoun *kas* may be kept for convenience of description, but it is not neat: there are several areas of transition from one of these uses to another. I will further discuss the role of case and animacy within different constructions with *kas*.

Балто-трансазиатская модель одного глагольного словосочетания (окончание действия)

1. В современных балтийских языках „глагольные словосочетания, в которых в качестве зависимого компонента выступает инфинитив, являются лексически и семантически ограниченными: независимым компонентом в них могут быть только глаголы, принадлежащие к определённым лексико-семантическим группам“, в частности, такие, „которые выражают начало, продолжение или окончание действия“ [MLLVG-II, 18]. В данном случае нас интересует глагольное сочетание спрягаемой формы лит. *baĩgti* ‘кончить, кончать’ + инфинитив (далее сокращённо обозначаемое как VInf).

2. Соотношение обоих компонентов VInf обычно рассматривается в аспектологическом плане. Так, в частности, отмечается, что „спрягаемая форма глагола *baĩgti*, выполняющего функцию вспомогательного глагола, имеет значение недифференцированного вида... Обладая значением несовершенного вида, она может быть связанной с инфинитивом совершенного вида. Тогда вспомогательный глагол показывает, что действие инфинитива приближается к цели, но всё ещё не закончено. Приставка инфинитива показывает только очень близкий результат, предел продолжающегося действия. Например: ...*Mėnesio pjautuvas baigia sudilti* <‘Серп месяца кончает истереться’> (А.Балтакис)... [Paulauskienė, 1971, 138]. Ср. также иллюстрацию к тезису о совершенном виде второго компонента в VInf как явлении, которое встречается „только изредка — ...*baĩgia sudžiūti* букв. ‘кончает высохнуть’“ [ГЛЯ, 445].

3. Вместе с тем, принимая тезис о „лексико-семантической ограниченности“ „независимого компонента“ в VInf (см. 1), необходимо поставить вопрос: неужели инфинитив как „семантическое ядро сочетания“ является только „грамматически зависимой“ [ГЛЯ, 444] от глагола *baĩgti* формой, однако при этом не обнаруживает никакой более глубокой связи с его значением? Иными словами, если VInf действительно относится к разряду „самых тесных сочетаний“ [LKG-II, 401], то при постоянстве первого компонента (В-) насколько открытым в нём для иллюстрации примерами остаётся второй (-Inf): любой ли инфинитив может сочетаться со спрягаемой формой обсуждаемого глагола окончания действия? Оказывается, что нет.

4. Уже в цитированных источниках приведены инфинитивы *sudilti* ‘истереться’ и *sudžiūti* ‘высохнуть’, относящиеся к той семантической группе, которую мы в своё время определили как глаголы исчезновения, или аннигиляции в литовском языке: ср. *blėsti* ‘гаснуть, угасать’, *geĩbti* ‘чахнуть, хилеть, хиреть’, *gėsti* ‘гаснуть, угасать’, *griūti* ‘рухнуть, рушиться’, *išlėisti* ‘истратить, истрачивать’, *išnỹkti* ‘исчезнуть, пропадать’, *kapstýti* ‘разбрасывать’, *nukamúoti* ‘замучить, замучивать’, *pũti* ‘гнить, тлеть’, *subyrėti* ‘рассыпаться, рассыпаться’, *sunešióti* ‘сносить, снашивать’, *sušálti* ‘замёрзнуть, замерзнуть’ и др. [Непокупный, 1964, 139–141]. Весь этот перечень взят из соответствующих примеров употребления VInf, ряд которых без труда можно продолжить.

5. Для латышского языка аннигилятивный вариант VInf, по крайней мере, не характерен. Только в дайнах удалось найти примеры искомого образца с глаголами *izravēt* ‘выполоть, выпалывать’ и *nuoziedēt* ‘отцвести, отцветать’: *Steidzu beidzu rožu*

dārzu / Bez rasiņas izravēt [Непокупный, 1964, 141]; ‘Спешу, кончаю палисадник роз / Без росы выполоть’; *beidzas ruoze nuoziedēt* [ME-I, 227] ‘кончит роза отцвести’.

6. Глаголы аннигиляции как семантическая группа, с одной стороны, и глагольное словосочетание со значением окончания действия как логико-синтаксический тип — с другой, сами по себе сосуществуют в различных языках, должно быть, безо всякого ограничения. Напротив, их пересечение уже не является таким общим и соответствующие примеры VInf, как минимум, количественно отличая литовский язык от латышского, в то же время качественно противопоставляют его славянским: в последних такая разновидность глагольных словосочетаний и вовсе не обнаружена.

7. Модель глагольного словосочетания, подобного аннигилятивному варианту VInf в балтийских языках, уже в той или иной мере лингвистически описана и представлена на громадных пространствах крайнего востока Европы и почти всей Азии: в финно-угорских (марийский), тюркских, индоевропейских (таджикский, хинди), дравидийских, монгольских и тибето-китайских языках [Непокупный, 1964, 152/153 — карта-вклейка].

Как видим, в этом перечне оказываются и индоевропейские языки, сравнение с которыми, очевидно, должно стать одной из первоочередных задач дальнейшего исследования аннигилятивного варианта Vinf в балтийских языках с учётом широкого контекста их ареально-типологических связей.

Литература

ГЛЯ — Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.

Непокупный, 1964 — А.П.Непокупный. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.

LKG-II — Lietuvių kalbos gramatika. T. II. Morfologija. Vilnius, 1971.

ME-I — K.Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J.Endzelīns. I sējums. Rīgā, 1923–1925.

MLLVG-II — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. II sējums. Sintakse. Rīgā, 1962.

Paulauskienė, 1971 — A.Paulauskienė. Dabartinės lietuvių kalbos veiksmazodis. Vilnius, 1971.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

О синтаксической конструкции *infinitivus cum nominativo*⁸

Необычное употребление номинатива, выступающего в функции прямого дополнения при инфинитиве, уже давно привлекает к себе внимание специалистов по русскому, балтийским и западнофинским языкам. Одно перечисление работ, авторы которых специально занимались анализом конструкции *infinitivus cum nominativo*, заняло бы не менее 10 страниц текста, в России я мог бы, например, назвать имена Вс. Миллера, Б.А.Ларина и Ф.П.Филина, в Литве — Й.Яблонскиса и В.Амбразаса. Особенно много работали в этой области Р.Якобсон и В.Кипарский (у каждого — по 8 публикаций, в которых они анализируют конструкцию типа *земля пахать* — преимущественно в русском и балтийских языках). Доклады об этой конструкции были

⁸ Именно такое название конструкции типа *šienas pjauti* или *земля пахать* представляется более удачным, чем обычно употребляемое *nominativus cum infinitivo*, совпадающее с одноимённым синтаксическим оборотом в латинском языке, где он не имеет ничего общего с рассматриваемой конструкцией.

сделаны на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983) и на Международной конференции в Будапеште (апрель 2000 г.). Наиболее фундаментальным и всесторонним исследованием всего комплекса вопросов, связанных с обсуждаемой конструкцией, является монография Алана Тимберлейка, которую он защитил в качестве докторской диссертации в Гарвардском университете (см. A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic and West Finnic*. München, 1974).

По некоторым вопросам многолетние исследования привели учёных к определённом консенсусу. Например, по вопросу о безличном употреблении инфинитива, ибо если бы инфинитив зависел от глагола в личной форме, в конструкции оказались бы два номинатива. Давно было отмечено также, что инфинитив в этих конструкциях преимущественно зависит от слов типа *reikia, galima, laikas, нужно, надо, пора* и т. п. Большинство исследователей отказались от идеи об индоевропейском происхождении конструкции в балтийском и славянском, а также о независимом её происхождении в каждом из языков. Серьёзные аргументы были высказаны в пользу заимствования славянских (русских) и балтийских конструкций из западнофинских языков.

Поскольку наша конференция посвящена изучению балтийских языков, остановлюсь на двух вопросах, связанных с функционированием анализируемой синтаксической конструкции в литовском языке. В большинстве работ принято считать, что конструкция типа *reikia vaikui guldyti* — сугубо диалектная, проникшая в язык литературы благодаря писателям, в родном диалекте которых эта конструкция имеет широкое распространение. Однако Й. Яблонскис считал её литературной нормой. И если в сочинениях Жемайте *infinitivus cum nominativo* — обычное явление, то ещё неясно, сыграл ли здесь решающую роль её диалект или же тот факт, что её сочинения редактировал Й. Яблонскис. Выборки отдельных изолированных примеров из разных диалектов и из разных авторов, к сожалению, не могут ответить на вопрос о том, какое место в синтаксической системе того или иного диалекта занимает интересующая нас конструкция. То же относится и к языку отдельных писателей.

Мне пришлось протудировать все 6 томов сочинений Балиса Сруоги. Оказалось, что *vardininkas* в его сочинениях встречается в качестве прямого дополнения при инфинитиве гораздо чаще, чем *galininkas*. Даже в таком высоком литературном жанре, как историческая трагедия, сплошь и рядом Б. Сруога употребляет конструкцию *infinitivus cum nominativo* (в том числе — включая и авторские ремарки). Интересно отметить, что в стихотворениях и переводах (том I) и в циклах статей „Литература и фольклор“, „Драма и театр“, „Воспоминания“ (том VI) количество анализируемых конструкций резко сокращается. Таким образом, продуктивность этой конструкции, видимо, зависит от жанра, от времени (раннее или позднее творчество) и от ряда других причин.

Наконец, ареал, в котором распространена конструкция *infinitivus cum nominativo* — (северно)русский, балтийский, западнофинский — совпадает также с ареалом иных синтаксических конструкций, отсутствующих в других индоевропейских языках: творительный предикативный и родительный вместо винительного падежа после переходных глаголов с отрицанием. К сожалению, эти факты обычно не привлекаются к исследованию синтаксической конструкции типа *reikia vaikui guldyti*. Между тем, подобные факты делают маловероятным предположение о том, что анализируемая конструкция возникла независимо, например, в русском языке (точка зрения, в частности, Ф. П. Филина).

Svetlana Polkovņikova (Daugavpils)

Runas verbu valence

Latviešu valodnieki vairākkārt dažādu iemeslu dēļ un dažādos apstākļos ir pētījuši un apskatījuši verbus ar vienotājelementu „skaņa”. Šajos pētījumos ir izvirzītas divas principiāli atšķirīgas verbu grupas — runas verbi un „īstie” jeb „tīrie” skaņu verbi. Abu grupu verbi atšķiras gan semantiski, gan pēc valentā faktora, tāpēc tie jānorobežo. Galveno, pirmās pakāpes opozīciju veido valentā opozīcija — darbības subjekta vispārinātā semantika. Minētos verbus var iedalīt divās lielās grupās atkarībā no tā, vai darbības subjekts ir 1) dzīva būtne; 2) priekšmets, parādība. Dzīvs un nedzīvs ir universālas kategorijas, kuras lietderīgi izmantot, raksturojot ierobežojumus vārdu lietojumā. Pirmajā grupā ietilpst runas verbi un vēl dažas citas no runas vārdiem atšķirīgas verbu grupas, ko iedala atkarībā no tā, vai subjekts ir persona vai citas dzīvas būtnes. Otrā grupā veido verbi, kas nosauc dzīvnieku radītās skaņas (nosacīti pieņemts saīsinājums „dzīvniekskaņu verbi”). Dzīvniekskaņu vārdiem ir daudz kopīgu pazīmju ar vārdiem, kas nosauc priekšmetu un parādību radītās skaņas.

Šī darba pētīšanas objekts ir latviešu valodas runas verbi. Tiek analizēts plašs leksikas materiāls: runas verbu leksiski semantiskā grupa (LSG), proti, runas verbu LSG valence. Šie verbi ir ļoti interesanti analīzei, jo vairums šo verbu veido latviešu valodas aktīvo leksikas fondu. Sīkāk runas verbi ir pētīti krievu un angļu valodā, un šie pētījumi deva ierosinājumu pievērsties arī latviešu valodas materiālam. Analīzes materiāls darbam tika ņemts no latviešu literārās valodas vārdnīcas astoņos sējumos, kas ir pirmā filoloģiska tipa skaidrojošā vārdnīca latviešu valodniecībā (Rīga, 1972.–1996.).

Verbam valodā ir nozīme un funkcijas, kas tā pētīšanu dara gan grūtu, gan arī īpaši interesantu. Filoloģiskā aspektā verbs ir visnozīmīgākā vārdšķira tāpēc, ka tas nosauc galveno materiālās un arī garīgās pasaules pastāvēšanas nosacījumu — kustību un attīstību kā darbību, procesu, stāvokli, pazīmi. Plašu pētījumu par latviešu valodas skaņu vārdiem ir veikusi valodniece I. Freimane (I. Freimane. Latviešu valodas skaņu vārdi. Rīga, 1983). Autore raksta: „Latviešu valoda ir ļoti daudz skaņu vārdi — tie ir mūsu valodas bagātība gan skaita ziņā, gan arī nozīmju, nianšu un lietojuma daudzveidībā. Skaņu vārdu pētījums ir veltīts kaut nelielam ieskatam šajā bagātībā” (3. lpp.).

Runas vārdi organiski iekļaujas vārdu sistēmā un valodas sistēmā vispār, tāpēc likumsakarīgi pētīt šo vārdu semantiku un valenci, izvirzīt tipiskos valences gadījumus, pētīt semantiskos un citus faktorus, kas šo valenci nosaka.

Vārdu valences pētīšanai, kā arī vārdu leksiskai saistāmībai, ir liela nozīme kādas citas vārdšķiras LSG pētīšanā, it īpaši lietvārdu un apstākļa vārdu LSG. Vārdu valences pētīšanai ir liela praktiska nozīme leksikogrāfijā un valodas mācīšanā.

Янис Розенбергс (Рига)

Текст и его подсистемы

Языковедов уже давно интересует проблематика текста. Лет 50 тому назад появился особый интерес к тексту, учёные по-разному пытались дать определение предмету изучения: одни искали „сложное синтаксическое целое“, „сверхфразовое единство“ (А.Белич, Н.Поспелов, В.Скаличка, К.Хаусенблас, В.Палек и др.), другие

называли текст „сотрудничеством предложений“ (Satzgemeinschaft), указывая, например, на многие важнейшие средства структурного оформления связи между предложениями (К.Боост, З.Херрис, Л.Лосева, Т.Сильман и др.). Появился интерес к таким проблемам, как структурные единицы текста, синтаксические процессы текста, категории и типы текста. Таким образом, накопился богатый, интересный, многообразный материал, освещающий многие проблемы текста.

По всем вопросам текста существуют разные точки зрения и разные пути их изучения. Используя теоретический опыт и материал латышского языка, в докладе делается попытка явления текста дать в определённой системе со своими подсистемами в определённой структуре. Думается, что можно выделить следующие подсистемы текста: 1) единицы текста; 2) средства выражения связи между единицами текста; 3) текстуально-синтаксические процессы; 4) категории текста; 5) типы текста.

I. Единицы текста бывают тройного рода: структурные, семантические, композиционные:

1. Структурные единицы текста образуют материальную структуру текста.

1) Самая малая организующая единица текста — это предложение и квазипредложение, которое в тексте / в речи выражается в форме самых разнообразных высказываний. 2) Как структурную единицу текста многие рассматривают сверхфразовое единство — это структурно (по форме), семантически (по содержанию) и коммуникативно (по употреблению) законченная цепь взаимно связанных предложений. 3) Структурной единицей текста является и обособленное предложение или более обширный фрагмент текста.

2. Семантические единицы текста являются выразителями семантической структуры текста. Они обеспечивают связность, целостность текста, т. е. реализуют важные категории текста. Семантическими единицами являются слова и их эквиваленты, выражающие предметное, темпоральное, локальное, каузальное (причинное), консекутивное (следствия), финальное (цели), кондициональное (обусловленности), модальное (образа действия) значение.

3. Композиционные единицы текста распределяют текст в различные композиционные части, которые определяют тип текста и/или индивидуальный стиль автора. Этими единицами являются, например: абзац, раздел, глава, сцена, параграф, пункт и т. д. Структурные единицы и семантические единицы в определённой композиции являются строительным материалом текста. А текст — это результат письменной или устной реализации языка в коммуникации, содержание, форму и объём которого определяет специфика информации, ситуация акта коммуникации и субъективное отношение коммуникатора к выражаемому содержанию и/или адресату текста.

II. Средства выражения связи между единицами текста — это слова, формы слов и их синтаксические функциональные эквиваленты, которые имеют такую семантику, которая способна указать на связь между единицами текста и вместе с тем организует единицы текста структурно, семантически и коммуникативно.

Средства выражения связи между единицами текста бывают общие и специальные.

1. **Общими** мы называем те средства, которые выражают связь не только между единицами текста, но и между компонентами предложения (вопросительные, модальные, вводные, поясняющие слова, междометия, местоимения, числительные,

временные формы глагола и т. д.). Связывая единицы текста, они функционируют на соответствующем уровне.

2. Специальными средствами выражения связи между единицами текста являются слова и их функциональные компоненты, которые базируются на семантических единицах текста, создающих многоступенчатую иерархию семантических систем предметности, процессов, времени, места (без которых эксплицитно или имплицитно не существует ни одна единица текста) и других семантических единиц текста.

III. Как явления текста в своей системе функционируют разные текстуально-синтаксические процессы, в которых проявляется основная (нейтральная) и дополнительная (стилистическая) информация. К этим процессам относится так называемое актуальное членение, организующее основную информацию. Текстуально-синтаксическими процессами являются также парцелляция, динамическое присоединение, элидация (редукция и эллипсис), семантическая импликация и др., которые тоже участвуют в актуализации текста, в процессе которой проявляется и дополнительная (стилистическая) информация.

IV. Чем более высокого уровня явление языка, тем оно качественно и количественно более абстрактно. Это относится и к категориям текста. Думается, что категории текста — это обобщённые классы явлений текста, выражающие определённые понятия, как, например: предикацию, информативность, когезию, интеграцию, ретроспекцию, проспекцию, континуум, модальность и т. д. С одной стороны, эти категории выражают суть текста, с другой стороны, единицы текста, средства выражения связи между единицами текста, текстуально синтаксические процессы воплощают, осуществляют семантику, содержание этих категорий.

V. И наконец, говоря о синтаксисе текста, приведём ещё одну систему — типы текста.

Тип текста — это результат использования ресурсов языка в коммуникации для выражения определённой информации, в определённой ситуации, для определённой цели, с определённым субъективным отношением.

Тип текста определяется экстралингвистической реальностью и реализуется через селекцию и аранжировку языковых средств.

Накопленный теоретический опыт и анализ текстов конкретных языков показывает, что язык имеет большое разнообразие подсистем, способных осуществлять коммуникацию соответственно содержанию, обстановке, цели и субъективному отношению.

Валентин Иванович Трубинский (Санкт-Петербург)

О результатах в литовском и русском языках

В прошлом докладе и соответственно в публикации [Трубинский, 1998] мы уже свидетельствовали существенное сходство, которое наблюдается в образовании и употреблении объектного результата в литовском и русском языках, как, впрочем, и в других западноевропейских языках. Всюду мы видим явственную совмещённость объектного результата с пассивом. В балтийских же языках, как убедительно

показали Э.Ш.Генюшене и В.П.Недялков [Генюшене, 1983], помимо совмещённого объектного результата, который выражается перфектным причастием и служебным глаголом *būti* ‘быть’ (факультативным в форме презенса), бытуют также образования, выражающие значения явно субъектнорезультативные. Ср. лит.: (1) *Jis (yra) šiltai apsirengęs* ‘Он (есть) тепло одевшийся’ (презенс субъектного результата или перфект) и многие подобные образования. Описываемая картина оказывается, как замечают упомянутые только что авторы, „ближе всего к ситуации, наблюдаемой в псковских и новгородских говорах“, с тем, однако, существенным отличием, что там генетически родственные формы на *-ши* „почти не образуются от транзитивов и используются в основном как субъектный результатив“ (здесь ссылка на автора этих строк [Трубинский, 1969]) [Генюшене, 1983, 1961].

В настоящей заметке нам хотелось бы особо подчеркнуть, что краткие действительные причастия в литовском языке свободно употребляются и в акциональноперфектном, и в результативном значении, тогда как в русском литературном языке ни тех, ни других нет вообще. И если в известной (и уже упомянутой) книге „Типология результативных конструкций“ употребление результативов в русском литературном и литовском языках как бы сближается, будучи рассмотренным в одной и той же главе (в той главе, где описываются также результативы в арабском и индонезийском языках), а русские диалектные активы-результативы, как бы нарочито отдаляясь от литовских, оказываются предметом исследования совсем другой главы (той, где рассматриваются результативы в немецком, норвежском, армянском и финском языках), то это объясняется только следующим. Тем, что кажущаяся близость литовских и русских (не диалектных) форм усматривается и утверждается здесь не иначе, как с точки зрения отношения результата к пассиву. К тому же литовский перфект, в том числе акциональный, может быть мотивирован очень многими глаголами совершенного вида, находящимися за пределами лексического фонда русского псковско-новгородского субъектного результата. И не только транзитивами (они почти полностью исключаются из числа глаголов, производящих этот субъектный актив-результатив), но и нетрансгрессивными интранзитивами совершенного вида, например — глаголами однократного или начинательного способа действия. Ср. возможность образования литовского актива-перфекта (не результата) от ингрессивного глагола (2) *Šuo netikėtai buvo užlojęs* ‘Собака неожиданно залаяла’ или от глагола мгновенного действия (3) *Jis staiga buvo pašokęs* ‘Он вдруг подскочил’.

Но подобные формы на *-ęs* не могут быть употреблены в литовском в значении результата. Э.Ш.Генюшене и В.П.Недялков показывают в то же время, сколь употребительны в литовском образования на *-ęs* именно от тех интранзитивов совершенного вида, которые составляют лексический фонд русского диалектного субъектного результата. Любопытно, что переводят лингвисты формы литовского результата соответствующими русскими диалектными образованиями на *-ши* — образованиями, которые, будучи отклонениями от литературной нормы, воспринимаются тем не менее носителями литературного языка легко и естественно.

И это не случайно. Ведь существует немалый контингент диалектоносителей — представителей сфер, переходных от диалектов к литературному языку, речь которых на настоящем этапе уже свободна от основной массы уходящих ныне диалектных явлений, но которые продолжают употреблять диалектный результатив, правда — в

несколько редуцированном его варианте. То есть данная диалектная особенность явно становится чертой новодиалектной, региолектной (к числу подобных черт относятся такие существенные диалектные явления русского языка в области фонетики, как оканье, неслоговое *ʉ* в конце слова и слога, фрикативное *ɣ* и некоторые другие, см. [Герд, 1995; Трубинский 1991]).

Речь, таким образом, идёт о совершенно уникальном субъектном результате, не состоящем, в отличие от аналогичного литовского образования, в оппозиции с однотипным акциональным активом-перфектом на *-es, -usi*.

Не исключено, что неприятие русским активом-результативом акционально-перфектных значений обусловлено его относительно недавним возникновением в русской диалектной стихии. Имеем при этом в виду не самоё форму краткого действительного причастия как полнозначного предиката (гипотеза А.А.Потебни о её восхождении к балто-славянскому единству представляется нам приемлемой), а становление нового диалектного субъектного актива-результатива.

И тут невозможно не вспомнить высказанную ещё К.Бругманом и убедительно обоснованную И.А.Перельмутером [Перельмутер, 1977] и Ю.С.Масловым [Маслов, 1983] общую тенденцию, характерную для первоначального состояния субъектного результатива. Согласно установленной закономерности в семантике глаголов состояния не сразу, а только со временем, актуализируется мысль о предшествующем действии, вызвавшем данное состояние. В нашем случае мы имеем, видимо, дело пока ещё с первым раундом развития. В этой связи слишком очевидна также не знакомая балтийским языкам силовая экспансия русского субъектного актива-результатива [Трубинский, 1998], не терпящего нестатальных значений, в сферу коррелирующих с ним в пределах его лексического фонда интранзитивов прошедшего времени совершенного вида (в русских региолектах Северо-Запада — в сферу употребления форм прошедшего времени на *-л*).

Сказанное до некоторой степени оправдывает то странное, на первый взгляд, обстоятельство, что систему результативов в литовском языке лингвисты в большей степени сближают иногда с системой тех же образований в русском литературном языке (мы уже заметили это выше), а не с той, которую имеем в русских диалектах, хотя именно эта последняя, по общему убеждению, имеет с первой (балтийской) подлинные родственные узы (А.А.Потебня, Б.А.Ларин, В.Амбразас).

Литература

- Генюшене, 1983 — Э.Ш.Генюшене, В.П.Недялков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке. // Типология результативных конструкций. Ленинград, 1983. — с. 160–166.
- Герд, 1995 — А.С.Герд. Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург, 1995.
- Маслов, 1983 — Ю.С.Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид. // Типология результативных конструкций. Ленинград, 1983. — с. 41–54.
- Перельмутер, 1991 — И.А.Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории. Ленинград, 1977.
- Трубинский 1991 — В.И.Трубинский. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. — с. 156–162.
- Трубинский, 1969 — В.И.Трубинский. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времён. // Вопросы теории и истории языка. Ленинград, 1986. — с. 342–349.
- Трубинский, 1998 — В.И.Трубинский. О взаимоотношении балтийского и славянского актива-перфекта // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск I. Секция баллистики (10–12 марта 1998 г.). Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. — с. 34–36

Apibrėžto ir neapibrėžto kiekio raiška

Lietuvių kalboje apibrėžto ir neapibrėžto kiekio raiška yra gramatizuota. Be tiksliai nurodomo apibrėžto (*penkiolika knygų, du laikrodžiai*) ir neapibrėžto (*keletas puslapių, daug žmonių*) kiekis gali būti nusakomas genityvu arba akuzatyvu (*turi knygas — turi knygų, davė saldainius — davė saldainių*) prie turėjimo, mainų, darbo procesus, jutimus, žinojimą reiškiančių veiksmažodžių grupių (J.Šukys). Pastaroji kiekio raiška — gana subtili lietuvių kalbos ypatybė (V.Labutis) — yra buvusi ir kitose kalbose. Antai graikai ir lotynai minėtų linksnių variavimą kiekiui reikšti turėję prie tam tikrų veiksmažodžių (*valgyti, gerti, parduoti*). Senojoje vokiečių (aukštaičių) tarmėje pastebėta bendra kalbos tendencija išstumti junginius su neapibrėžto kiekio kilmininku ir visur vartoti galininką (O.Behaghel, V.Admoni, L.Wolf). Lenkų kalbininkai (J.Bystrón, S.Szober, A.Heinz) linkę manyti, kad neapibrėžto kiekio kilmininkas yra semantinė ir sintaksinė galininko transformacija, dėl to šių linksnių kaita prie tam tikrų veiksmažodžių yra natūraliai galima. Rusų kalbininkai, konstatuodami neapibrėžto kiekio nykimą, grįžta prie minties, jog pagrindiniai linksnių kaitos determinatoriai, matyt, yra buvę veiksmažodžiai, nors pastebima ir morfologinių, ir semantinių kiekio raiškos neapibrėžto kiekio kilmininku nykimo priežasčių (A.Potebnia, V.Bogorodickij, L.Bulachovskij, A.Peškovskij, A.Gvozdev, T.Lomtev, K.Gorbačevič, Z.Popova, V.Ickovič, K.Ivanova). Latvių kalbininkai (K.Mīlenbahs, J.Endzelīns) neapibrėžto kiekio kilmininką aiškino kaip objekto apimties priedėlį, beveik išnykusį kalboje. Estų ir suomių kalbų tyrėjas L.Hakulinen mini, kad neapibrėžto kiekio kilmininko funkciją estų kalboje yra perėmęs galininkas, o suomių kiekio objekto linksnis priklausęs nuo veiksmažodžio semantikos.

Kaip matyti iš trumpos apžvalgos, kitose kalbose neapibrėžto kiekio kilmininkas yra beveik išnykęs, o lietuvių kalboje jis dar gana plačiai vartojamas. Tokia kiekio raiška yra pastebėta 1653 m. pirmosios lietuvių kalbos gramatikos autoriaus D.Kleino. Jo konstatuota kalbėtojo galimybė rinktis objekto linksnį kiekiui nusakyti. Subjektyvų kriterijų akcentavo ir A.Schleicher, Fr. Kurschat, J.Jablonskis, A.Salys, Pr. Skardžius, J.Balkevičius, J.Šukys. Tik E.Fraenkel studijoje „Syntax der litauischen Kasus“ atkreipė dėmesį į veiksmažodžio semantiką, kuri galėjo turėti įtakos kiekiui reikšti skirtingais linksniais. Šią mintį palaikė A.Piročkinas, V.Labutis.

19 a. pabaigos ir 20 a. pradžios J.Basanavičiaus publikuotų pasakojamosios tautosakos rinkinių „Iš gyvenimo vėlių bei velnių“ (1928), „Lietuviškos pasakos įvairios“ (1903–1905), „Lietuviškos pasakos“ (1892–1902) ir J.Jablonskio raštų (1933–1936) bei K.Būgos raštų (1958–1961) analizė leistų daryti tokias išvadas:

1. Dabartinėje lietuvių kalboje neapibrėžtam kiekiui nusakyti kur kas dažniau pasirenkamas galininkas. Matyt, subjektyvusis linksnių parinkimo kriterijus visumai ir neapibrėžtam kiekiui reikšti ne visada efektyvus. Kur kas objektyvesnis žodžių junginio valdančio žodžio semantikos, t. y. veiksmažodžio veiksmo trukmės, kriterijus.
2. Galima teigti, kad konkrečiųjų daiktavardžių neapibrėžto kiekio kilmininkas vartojamas prie baigtinio, vienkartinio veiksmo veiksmažodžių, o galininkas — prie tęstinio, besikartojančio veiksmo veiksmažodžių.
3. Abstrakčiųjų daiktavardžių linksnis — galininkas — visumos, nedalumo linksnis, ypač tada, kai jis turi pažyminį, paryškinantį, kad toks objektas sudaro nebeskaidomą visumą.
4. Kiekybinė galininko su veiksmažodžiais persvara kiekiui reikšti veda prie minties, kad galininkas lietuvių kalboje reiškia ne tiek visumą, kiek nurodo nežymėtą daiktų kiekį. Neapibrėžto kiekio kilmininkas nusako suaktualintą, žymėtą daiktų kiekį.

Сложносочинённое предложение в старолитовском языке (на материале произведений М. Даукши)

Анализ сложносочинённого предложения первой печатной литовской книги (1595) в Великом Княжестве Литовском — переведённых М. Даукшой с польского *Katekizmas* и *Trumpas būdas pasisakymo... nuodėmių* — позволяет делать некоторые выводы о развитии синтаксической структуры литовского языка.

Система средств выражения сочинения в сложном предложении в произведениях Даукши по существу соответствует системе современного литовского языка. Собственно соединение выражается главным образом с помощью союзов *ir, ir... ir, nei*, иногда — *o*; сопоставление — с помощью союза *o*, реже — *bat, ir*; противопоставление с помощью союзов *bat, o, vienok(ig), tačiau*, в редких случаях — *ir*, разделительные отношения — с помощью союзов *arba, arba... arba*; отношения причины-следствия и основания-вывода — с помощью союзов *tad, todrin(ag), tadag* иногда — *ir, o* и т. д. Инвентарь средств выражения семантических и синтаксических отношений между частями сложносочинённого предложения в *Katekizmas* и *Trumpas būdas pasisakymo... nuodėmių* частично не совпадает — союзы *tačiau* и *vienok(ig)* употребляются только в последнем.

Из основных различий между средствами выражения семантических и синтаксических отношений в сложносочинённом предложении в указанных памятниках старолитовского языка и в современном литовском языке следует отметить следующие.

1. Предложениями с союзом *ir* в произведениях Даукши также как и в современном литературном языке выражаются самые общие отношения соединения, реже — отношения сопоставления, противопоставления и другие. В польском оригинале им соответствуют не только предложения с союзом *у*, но и предложения с союзом *а*. Последние составляют более 30 процентов всех тех случаев, когда литовские предложения в оригинале имеют союзные соответствия.

Предложениями с союзом *o* в первую очередь выражаются отношения сопоставления, реже — противопоставление. Всё-таки в некоторых случаях они выражают отношения собственно соединения, свойственные предложениям с *ir*. В оригинале им соответствуют предложения с союзом *а*.

Сравнение оригинала с переводом даёт повод для вывода, что Даукша видел некоторое несоответствие между польскими и литовскими сложносочинёнными предложениями, выражающими отношения собственно соединения. Польским предложениям с союзом *а* выражение таких отношений свойственно гораздо больше, чем литовским предложениям с союзом *o*.

2. Для языка рассмотренных памятников более чем для современного употребления характерно выражение семантических оттенков с помощью союзных конкретизаторов. Например, предложениями с союзом *ir*, как было указано выше, обычно выражаются отношения собственно соединительные, реже — сопоставительные. Предложениями с составными союзами *ir dabar, ir vėl, ir labiausiai* выражаются отношения сопоставительные или противительные. Отношения причины-следствия выражаются предложениями с *ir todrin, ir teip*; уступка — с *ir vėl atpenu*; распространительные — *ir tai*. Установить такие оттенки помогает сравнение перевода с оригиналом, в котором литовские составные союзы обычно имеют точные соответствия. Всё-таки употребление таких союзных конкретизаторов в переводе не всегда обусловлено оригиналом, поэтому их можно считать характерной чертой разговорного литовского языка конца XVI века.

Артурас Юджянтис (Вильнюс)*

* По вине ответственного редактора текст тезисов А.Юджянтиса печатается на дополнительной странице. Приношу автору свои глубокие извинения.

Содержание

От редактора	3
Конференции по балтистике в СПбГУ	4
<i>Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург), Аксель Хольфут (Вильнюс).</i> Синтаксические свойства латышского дебитива: состояние разработки вопроса и задачи дальнейших исследований	5
<i>Стурла Берг-Ульсен, Ханне М. Экхофф (Осло).</i> Родительный падеж и отымённые прилагательные в балтийских и русском языках — типологическое и диахроническое сравнение	6
<i>Kęstutis Bredelis (Vilnius).</i> Lietuvių kalbos sintaksės bei skyrybos dėstymo problemos ir perspektyvos.....	8
<i>Оярс Буис (Рига).</i> Заглавие статьи — имя или предложение/высказывание? (к постановке вопроса на материале латышского языка)	9
<i>Расуоле Владарскене (Вильнюс).</i> Конкурирующие структуры простых и сложных предложений в современных литовских документах	11
<i>Альбинас Друктейнис (Клайпеда).</i> Связи семантических структур предложений и способы их реализации	12
<i>Мария Вячеславовна Завьялова (Москва).</i> Некоторые предварительные замечания по поводу порядка слов в литовском языке.....	14
<i>Mirja Itkonena (Helsinki).</i> Datīva lietošana latviešu valodā, analizējot pēc teikuma locekļiem	16
<i>Andra Kalnača (Rīga).</i> Lietvārda locījuma formu konkurence latviešu valodā	17
<i>Audronė Kaukienė (Klaipėda).</i> Jungties vieta sudurtinėse prūsų veiksmazodžio formose.....	18
<i>Vitas Labutis (Vilnius).</i> Lietuvių kalbos predikatyvų funkcijos.....	20
<i>Ilze Lokmane (Rīga).</i> Datīva sintaktisko funkciju sistēma mūsdienu latviešu valodā	21
<i>Raita Makare (Rīga).</i> Daži jautājumi teikuma sakarā.....	22
<i>Inga Milēviča (Daugavpils).</i> Latvijas publicistikas valoda: sintakses īpatnības.....	24
<i>Nicole Nau (Kiel).</i> On the syntax of Latvian <i>kas</i> ‘who/what/which’	25
<i>Анатолий Павлович Непокупный (Киев).</i> Балто-трансазиатская модель одного глагольного словосочетания (окончание действия).....	26
<i>Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург).</i> О синтаксической конструкции infinitivus cum nominativo.....	27
<i>Svetlana Polkovņikova (Daugavpils).</i> Runas verbu valence	29
<i>Янис Розенбергс (Рига).</i> Текст и его подсистемы	29
<i>Валентин Иванович Трубинский (Санкт-Петербург).</i> О результатах в литовском и русском языках	31
<i>Janina Švambarytė (Šiauliai).</i> Apibrėžto ir neapibrėžto kiekio raiška	34